

АРКАДИЙ
НЕДЕЛЬ

ПАНМЕДИА

COVID-19,
ЛЮДИ И ПОЛИТИКА

Аркадий Юрьевич Недель

Панмедиа. COVID-19, люди и политика

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63877502

*Панмедиа. COVID-19, люди и политика: Алетейя; Санкт-Петербург;
2020*

ISBN 978-5-00165-126-0

Аннотация

COVID-19 – опасный и для большинства невидимый враг. По популярности в СМИ и соцсетях он сегодня оставил далеко позади Гарри Поттера, Владимира Путина, Дональда Трампа и Леди Гагу. Он круче их всех вместе взятых, он популярнее песни Луиса Фонси «Despacito». Страшно подумать, бесклеточная субстанция, организованная из космической пыли, угрожает цивилизации разума. Что происходит со всеми нами, с нашим обществом, государственными институциями, рынками, политическим строем, риторикой, нашей уверенностью в себе? Является ли коронавирус в культурном плане наследником чумы, изменившей сознание средневекового человека и во многом подготовившей наступление Ренессанса? Как связаны производство вакцин и добыча нефти? Забота о здоровье бедных и уничтожение этих бедных? Почему сегодня мировые

СМИ стали средой пандемии? Эта книга о самом важном: как сопротивляться социальному террору.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Жизнь вирусов имеет значение. Предисловие ко 2-му изданию	6
Политическая вирусология	11
Введение	11
Между Эросом и Танатосом	37
COVID доступа: жизнь	56
##	76
COVID-1937	86
ПоWhoизм	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Аркадий Неделёв

Панмедиа. COVID-19,

люди и политика

© А. Ю. Неделёв, 2020

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2020

* * *

*«Великий Пан умер», – так теперь слышалась
во всем эллинском мире печальная, мучительная
жалоба: умерла трагедия!*

Фридрих Ницше

*Легче одурачить людей, чем убедить их в том,
что они одурачены.*

Марк Твен

Жизнь вирусов имеет значение.

Предисловие ко 2-му изданию

Первое издание этой книги готовилось в очень большой спешке, мы спешили за распространением Covid'a, который уже в конце декабря 2019 года превратился в мировую угрозу. И если не обогнать, то как минимум успеть отследить географию и топологию распространения этого вируса и понять, пусть пока приблизительно, его исток и динамику стало нашей главной целью. Нашей – издательства «Алетейя» (Игоря Савкина) и моей как автора «Панмедии».

А дело было так: в феврале 2020 года я написал несколько коротких эссе о ковиде, в которых попытался проанализировать его возможное социальное, культурное и политическое влияние на сегодняшний мир. В первую очередь меня заинтересовал тот панический ужас, который вызвала эта эпидемия, позже названная «пандемией», и его причины, которые, как оказалось, были не так очевидны. Мы, люди с памятью о XX веке, не говоря уже о делах давно минувших дней, средневековых эпидемиях чумы, Черной смерти и прочих болезнях, уносивших жизни миллионов людей, опустошавших Европу хуже любых затяжных войн и нашествий варваров, не должны были настолько испугаться вторжения Covid'a в нашу жизнь. Так, по крайней мере, мне казалось. Все же мы

живем не в Средневековой Европе, где кроме народной медицины, знахарей и молитв, обращенных к Богу, не было действенных способов борьбы с эпидемиями, кроме карантина.

Сегодня они у нас есть, и хотя эти способы еще не совершенны, как и сама медицина, то уж как минимум современные медицинские знания, техника и развитие фармакологии дают нам основания думать, что мы защищены от вирусов значительно лучше, чем люди Средневековья или даже в начале XX века, в эпоху эпидемии испанки и прочих не менее страшных напастей.

И тем не менее, страх от знакомства с новой пандемией на планете был нисколько не меньше, чем у наших предшественников. Я задался простым вопросом: почему? Этот вопрос понравился Игорю Савкину, и он предложил мне написать книгу – в режиме реального времени. Covid-19 распространяется, я за ним пишу, издательство публикует. Я подумал над его предложением и согласился. Видимо, Игорь обладает даром внушения, а я – внушаемостью. Подобно командиру в зоне военных действий, он поставил передо мной конкретную задачу и определил сроки ее выполнения: очень короткие сроки – три недели. А еще в школе, помню, наша учительница литературы объясняла на уроках, что хорошее произведение быстро не пишется – идея, сюжет и т. п. должны у автора созреть. Но коронавирус время на созревание главному редактору не давал, а он не дал его мне. Поэтому

перед нами был простой выбор: либо книга пишется и издается в эти кратчайшие сроки, либо ее не будет вообще.

Судить о том, что у нас получилось, будет читатель. Мне лично хотелось разгадать загадку возникшего планетарного страха перед коронавирусом и разобраться, что есть такого в нас и нашей современной цивилизации, культуре, устройстве власти и т. д., что заставляет нас так тотально бояться не такой уж по историческим меркам страшной болезни. Гипотезу, которую я предложил, читатель найдет на этих страницах.

За те два месяца, прошедших после выхода первого издания книги, в мире произошли очень важные события. В Америке началось движение Black Lives Matter, которое, подобно новой пандемии, быстро захватило большую часть Европы и Англию. Мне пришлось уже много написать и выступать по этому поводу; вывод, который я сделал и который считаю правильным и сейчас, следующий: BLM – не просто очередной выпад против политического истеблишмента или каких-то действий правительства, вызывающий протест у определенной части населения, как это было в 2019 году с «Желтыми жилетами» во Франции. Это – революция, которая, даже если утихнет в ближайшее время, не закончится ничем, а продолжится, причем скорее всего примет вполне классические формы.

С приходом Дональда Трампа в Белый дом в Америке случилась не только смена власти – произошел слом идео-

логической парадигмы, борьба за власть приобрела совсем иной масштаб, в чем-то сопоставимый с горбачевской Перестройкой. Некоторые мои оппоненты, в том числе и в США, склонны видеть в BLM-движении протест или, как говорил Ленин, революционное восстание против пресечения свободной мысли, что в известной степени противоречит самой идее революции. Любая революция всегда идейно нацелена на нечто новое: свержение старого порядка ради установления новой формы правления и новых правил, в том числе дискурсивных. Революция не может иметь цель что-то запретить, запрет – цель контрреволюции и любых форм реакции (примеров в истории масса, в том числе и в истории США). То, что происходит сегодня в Америке – это кореволуция, когда революционный сдвиг инициирован самим правительством, а BLM-движение представляет собой неолиберальную реакцию против затеянной правительством значительной корректировки американской идеологии.

Самый большой революционер в США – это Дональд Трамп, что и является причиной ненависти к нему либеральных СМИ, подавляющего количества университетских профессоров, писателей, журналистов и медиаперсон, привыкших исповедовать так называемые либеральные ценности («так называемые», потому что само это понятие крайне размыто). И тот же Трамп, по сути, гораздо больший либерал, чем многие университетские преподаватели в Америке, воспитанные в духе протестантского благочестия и аме-

риканской веры в исключительную правильность системы в целом. Более подробный анализ этого сюжета читатель найдет в главе «Стратегия революции в Америке».

И последнее: при всем интересе эксперимента – написать книгу за три недели – наша вынужденная спешка имела и негативный аспект. В тексте осталось много досадных опечаток, которые не успели устранить. Ради экономии времени часть текста я тогда наговорил на диктофон и попросил одного знакомого расшифровать, не проверив его результат. Он сделал это быстро, но неаккуратно. Во втором издании книги мы устранили все замеченные огрехи, которые больше не будут отвлекать читателя от смысла самого текста. Ну а в остальном – диалог с читателем только начинается.

А. Недель, И. Савкин

Москва – Санкт-Петербург, август 2020 г.

Политическая вирусология

Введение

Наш тревожный мир часто превращается в мир опасный. Можно сказать, что это его естественное свойство или – такова его мировая функция: постоянно балансировать между тревогой и опасностью. Люди, склонные к религиозному восприятию реальности, скажут, что так задумал Господь Бог – задумал, чтобы мы не расслаблялись и не забывали, что мы уже все давно не Адамы и Евы, живущие в Эдеме, а выпавшие из райского гнезда труженики земли. Люди науки дадут этому рациональное объяснение: так устроена Вселенная, экономика, культура, политика, и поскольку мы являемся частью всего этого и творцами последних трех, то переживать опасные времена не только наша доля, но и разумная необходимость. «Что нас не убивает, делает нас сильнее», – фраза, которая давно стала мантрой.

Вопрос – что значит «сильнее»? – далеко не праздный. Опыт XX века для огромного числа людей в самых разных странах оказался смертельным, для тех, кто сумел выжить в революциях и войнах – трагическим. Сделал ли он их сильнее в нищепанском смысле слова, то есть более независимыми от идеи абсолютной силы и общественной морали, расчи-

танной на массовый вкус? Действительно ли стали сильнее люди, прошедшие концлагеря, тюрьмы, потерявшие родных, близких друзей или разочаровавшихся в любви и никогда не узнавшие, что такое нежность? Если сила – это одиночество внутри, отсутствие телефонных звонков и слез на щеках, то сильных в нашем мире даже слишком много. Однако у такой силы нет сострадания, каждый такой сильный переживает свои трагедии сам, и тому есть свой резон: боль интимна, если настоящая, такую интимность сложно переживать с другим. В этом парадокс: в масштабных, общечеловеческих катастрофах, затрагивающих миллионы, сильнее становятся единицы, остальные – одиночками.

Будет ли интересно читать книгу о событии, которое актуально здесь и сейчас? Главный наш герой – COVID-19, субстанция семейства коронавирусов, опасный и для большинства невидимый враг. По популярности в СМИ и соцсетях он сегодня превосходит Гарри Поттера, Леди Гагу, Владимира Путина и Дональда Трампа вместе взятых. Если бы COVID-19 написал роман или записал ролик в Youtub'e, он бы обогнал по просмотрам выступление любого политика или артиста, оставив позади даже песню-клип пуэрто-риканского музыканта Луиса Фонси «Despacito» (2017). Его беспрецедентный медиа успех объясняется не заложенной в нем опасностью для здоровья человека, как думают некоторые, а его политическим статусом врага, еще точнее – его местом в нашем сознании.

Коронавирус реактивировал наш страх перед глобальным врагом как таковым, который в нас имплантирован предрезающими политическую и медийную власть в мире. Раньше этот страх имел другие имена: СССР, коммунизм, бен Ладен и т. п., угрожавшие демократическому королевству и его подданным, ныне это COVID-19 – он синтезировал все предыдущие ипостаси страха. Агрессивен, как СССР, заразный, как коммунизм, архаичен и одновременно современен, подобно бен Ладену в своей пещере. Этот синтез не мог не случиться, и если бы не коронавирус, его бы осуществил кто-то другой, потому что мы были к этому готовы, его требовал политический разум мира.

Страх времен Холодной войны – идеологического другого, затем постсоветского мира – религиозного другого, перешел на иной уровень, превратившись в страх самих себя, в страх каждого перед каждым. Идеальное состояние общества с точки зрения политического контроля, когда источником страха является отнюдь не плохое поведение или сознательная угроза обществу, а само тело человека. Высокая температура, одышка, слабый иммунитет, преклонный возраст – новые аспекты угрозы, параметры врага.

Вероятно, если бы на Землю напали инопланетяне, то только такое событие могло быть равным по степени его воздействия на СМИ и массовое сознание. Но коронавирус в известном смысле и есть инопланетянин: согласно современным оценкам, ему более 2 млрд лет, то есть он одна из самых

ранних субстанций жизни, точнее – материи, находящейся на границе органического и неорганического. Он пришел к нам из геологического времени, когда сама наша планета только готовилась для образования на ней жизни, и атаковал мир, которым управляют сознание и технологии. Страшно подумать, бесклеточная субстанция, организованная из космической пыли, угрожает цивилизации разума. Это досадное недоразумение, бьющее по нашей гордости, также делает COVID-19 столь популярной фигурой.

Поэтому, книга о нем – книга о нас. Что происходит со всеми нами, с нашим обществом, государственными институтами, рынками, политическим строем, риторикой, нашей уверенностью в себе? Вещи, которые еще вчера казались прочными и очевидными, такие, как содружество государств и права граждан, например, в Европе, благополучие, в том числе медицинское, естественное право людей на социальность и коммуникацию, в том числе тактильную – тактильные отношения у нас остались исключительно со смартфоном, – доверие у многих европейцев к властным структурам и бесконечные запасы туалетной бумаги – исчезли чуть ли не в одночасье, словно бальный наряд Золушки после полуночи. Страны внутри Европы закрылись, никакой существенной помощи друг другу не последовало, больницы оказались плохо подготовленными для притока заболевших, защитных масок в нужном количестве не оказалось, близкое общение запретили, в магазинах исчезла туалетная бумага.

Цивилизацию разума и технологий застали врасплох. СМИ наперегонки сообщают новые подробности о враге, а главное – о человеческих реакциях на них. В плане экономики сильно пострадает средний класс, то есть одновременно стабилизирующая и наиболее революционная часть общества в любой развитой стране.

В XX столетии золотой век среднего класса приходится на 1950-1980-е годы, тогда он играл важную политическую роль – демонстрировал преимущества одной системы перед другой, капиталистической перед социалистической, и *vice versa*. Сегодня, когда, строго говоря, нет ни того ни другого, надобность в среднем классе отпала; даже напротив, он стал мешающим фактором. Его содержание стало слишком дорогим для нынешних виртуальных систем, управляющих мировыми процессами накопления и траты. Кроме того, средний класс сложнее оптимизировать – заставить его поверить в иллюзию нехватки денег или богатства в широком смысле слова, проще его «вирусифицировать» и забрать то, что ему принадлежит.

Виртуальные или еще точнее – цифровые системы, которые сегодня все более захватывают мировую экономику, меняют сами категории богатства и бедности, власти и подчинения, капитала и труда, как и состояние того или иного класса. Большие данные (big data) становятся капиталом, а модели обработки этих данных, такие как NoSQL или алгоритмы MapReduce, оперирующие петабайтами (10^{15}) ин-

формации, которые использует тот же Google – тем, чем у Маркса является труд рабочего. Но если классический капитализм отчуждал рабочего от его труда через опредмечивание (*Vergegenständlichung*) последнего и таким образом забирал жизненное время пролетария, то MapReduce, напротив, создает время за счет очень большой скорости обработки данных. Строго говоря, цифровой капитализм направлен не на порабощение рабочего, которого больше не существует, а на извлечение прибыли из времени, которое такой алгоритм создает.

Важно понимать, что эта прибыль не только финансовая, но и политическая, а значит – моральная, потому что сегодня время не только деньги, как в эпоху «капитал vs. рабочий», а именно мораль. Тот, кто владеет временем, имеет возможность им манипулировать, сокращая или увеличивая социальное время, тот и устанавливает моральные паттерны: хороший/плохой, друг/враг, честный/нечестный и т. п. Ты – хороший, если помогаешь государству сокращать время контроля над собой, если нет – плохой. Но парадокс в том, что даже если человек ведет себя «хорошо», он оказывается лишним в этом государстве, которое не знает, что делать с его, человека, освобожденным временем. Ситуация, ставшая особенно очевидной во время карантина.

В XIX веке власть принадлежала двору, при этом король мог быть не самой властной фигурой, но он несомненно был фокусом власти, поскольку являлся наместником Бога и мо-

ральным гарантом; в XX веке власть принадлежала диктатору – ленинская идея диктатуры пролетариата, когда партия заменила собой двор, оказалась самой притягательной и отвечала бизнес-модели эпохи. Капитал изменил свой смысл: он стал необходимым не капиталисту, стремящемуся к постоянному накоплению богатств, а эсхатологической идее – закончить историю и создать такой тип социума, где произойдет полное обнуление капитала.

Любой диктаторский режим в первую очередь противостоит рынку, его «невидимой руке», по известному выражению Адама Смита, которое он впервые употребил в неизданной при жизни рукописи «История астрономии», а потом в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» (1776), где «невидимая рука» символизировала индивидуальные интересы в рыночной экономике и их влияние на динамику и рост общественного богатства. Но вот что ускользнуло от внимания исследователей Смита и истории рынка: «невидимая рука» как одна из ключевых научных метафор на самом деле отсылает к Демиургу Ньютона, который руководит мирозданием путем установления определенных законов, действующих в неизменном пространстве и времени. Диктатура отменяет невидимую руку индивидуальных интересов и подчиняет их руке политического демиурга – диктатора и его партии.

В XXI веке власть перешла к *дистанционному зрителю*, окончательно завершив эпоху Самсона Вырина (если кто

вдруг забыл – герой повести Пушкина «Станционный смотритель», почтальон). Дистанционный смотритель не только стремится управлять нашим временем, распределяя моральные ценности и оценки, но и локацией; самоизоляция – идеальный режим, при котором публичное пространство оказывается фактически редуцированным. Публичность переходит в онлайн, а это значит, что для власти устраняется фактор угрозы, таящийся в нежелательных физических скоплениях людей по интересам, долгим или сиюминутным.

План замены реального мира виртуальным эрзацем предлагают авторы книги «Новый цифровой век». Вся книга написана как рекламный буклет цифрового рая, доступного любому человеку со смартфоном: «заскучали», хотите взять часовой отпуск? Так почему бы не включить голографическую приставку и не посетить карнавал в Рио? Устали? Отправляйтесь на некоторое время на пляж на Мальдивы. Опасаетесь, что дети становятся слишком избалованными? Пусть погуляют немного по бомбейским трущобам Дхарави»¹. Лететь в настоящий Рио, Мальдивы или Мумбай уже не обязательно, достаточно их голографического изображения. Все эти «путешествия» вы будете совершать сидя на диване, все ваши желания будут исполняться при помощи умных картинок, так что стремиться побывать в каких-то интерес-

¹ Шмидт, Эрик & Коэн, Джаред. Новый цифровой век. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. Пер. с англ. Сергея Филина, Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 34.

ных местах на самом деле, как и стремиться что-то изменить вокруг себя в той же реальной жизни, тоже не нужно. Вы уже в цифровом эдеме: «благодаря интерфейсам виртуальной реальности и возможностям голографических проектов вы сможете “включиться” в эти события и чувствовать себя так, как если бы действительно находились там»². Риски для власти, что люди, недовольные своим положением, выйдут на улицу, практически сведены к нулю.

Еще можно приобрести собачку из серии «общительных роботов», способных распознавать человеческие жесты и правильно реагировать на них, – обещают Шмидт и Коэн. Такой песик умеет выполнять команду «сидеть» после соответствующего жеста ребенка. В общем, живи – не хочу. Впрочем, одной i-собачкой дело не заканчивается, современные технологии вам предлагают таких же i-женщин, способных удовлетворить все ваши эротические фантазии – на их очевидных преимуществах перед живыми женщинами мы остановимся ниже. Цифровое путешествие, цифровые животные, цифровой секс... – что еще нужно для полного счастья?

Цифровое правительство, государство, которое, если понадобится, отключит (уже без кавычек) вас от рая, и вас – как не было. Отпадет надобность в судах и в пенитенциарной системе в целом, как и в понятии «справедливость» и

² Шмидт, Эрик & Коэн, Джаред. Новый цифровой век. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств. Пер. с англ. Сергея Филина, Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 34.

«милосердие». Справедливым будет соответствие цифровому миру, правила пользования, соблюдение правил и использование кодов и т. п., цифровая справедливость – абсолютная покорность. Да и необходимость в тюрьмах отпадет, поскольку тюрьмой станет сама неоцифрованная реальность, в которую будут отправлять провинившихся. Большая рокировка: цифровой мир становится светлым настоящим-будущим, своего рода воплощенным коммунизмом, который не удалось построить на Земле, а историческая реальность превращается в зону социального отчуждения, наказания.

Держать контроль над обществом онлайн несравненно проще, для этого дистанционному зрителю достаточно контролировать алгоритмы основных платформ и ресорсинг цифровой публичности, которая по сути никакой публичностью не является. При сервисе на удаленке государство само превращается в цифровую платформу, которая вместо общественного договора предлагает иную модель – временное пользование. Из гражданина человек превращается в пользователя с всегда ограниченным временем, примерно, как если вы приобретаете определенное количество минут у телефонной компании или подписываетесь на развлекательный сайт в интернете. Пользователь отличается от гражданина тем, что он априори удален от ресурса и не является его частью, в греческих терминах он – варвар (βάρβαρος), не имеющий права участвовать в жизни ресурса – своего государства.

Онлайновая информация, проходящая через тот же Facebook, позволяет напрямую влиять на жизнь вне экрана компьютера или смартфона. Френды, публикующие миллиарды своих фотографий, возможно и не подозревают, что своими руками снабжают силовые структуры бесценным объемом данных. Создать единую базу из всех фейсбучных фотографий не представляет никакого труда, и наивно думать, что эта база не будет использована для распознавания людей и установления слежки над ними, как только понадобится.

Но у этого есть и более тонкий аспект. Из этих мириад фотографий можно так же составить словарь мимики лица, учитывая, что львиная часть фото и селфи вписана в какой-нибудь ландшафт – дома, семьи, улицы, праздника и т. п., – то и это может быть использовано для сканирования общества, которым затем значительно легче манипулировать и направлять его к правильным целям. Правильно составленный словарь мимики расскажет о ныне живущих больше, чем любые социологические исследования, им можно будет пользоваться, как словарем Фасмера или Даля, только вместо смысла слов будет описан смысл эмоций – оцифрованных эмоций – соответственно, психическое состояние социума.

В эпоху дистанционного зрителя первым фиаско терпит средний класс – учителя, врачи, служащие, которых становится все проще заменить полуискусственным интеллек-

том, каким-нибудь IT-шником или программой, вебстраницей, «умным» навигатором, который будет давать задания в виде КИМ (контрольно-измерительных материалов) и проверять уроки путем онлайн-тестов. Так же при желании можно и лечиться, ну если это не коронавирус, конечно, и даже исповедоваться, по скайпу или через Zoom. К слову, канадские специалисты из Citizen Lab (Торонто), основанной политологом Рональдом Дейбертом, обнаружили любопытный факт: Zoom, находящийся в Китае, способен генерировать ключи шифрования и дешифровки и отправлять их на китайские серверы, даже если видеосессия проходит в другой стране, например, в США³. Сохранение приватности в таких условиях весьма сомнительно.

Иисус больше не слово, а цифра, церковь – база данных; ученики – пользователи, школа и университет – платформа. Устранение посредника в сегодняшнем мире – это по сути вторая лютеранская революция, цифровая Реформация. Подобно тому, как Лютер выступил за упразднение фигуры католического священника, предложив пастве напрямую общаться со Спасителем, сегодня предлагается напрямую общаться с дистанционным зрителем. Но есть одно различие: Иисус пришел, чтобы собрать христиан в своем теле, дистанционный зритель – посадить каждого на короткий

³ *Marczak, Bill and Scott-Railton, John.* «Move Fast and Roll Your Own Crypto. A Quick Look at the Confidentiality of Zoom Meetings» // <https://citizenlab.ca/2020/04/move-fast-roll-your-own-crypto-a-quick-look-at-the-confidentiality-of-zoom-meetings>

поводок.

Не существует больше приватности и в финансовой сфере. Тайна банковских вкладов, которая была таковой еще в XX веке, перестала быть тайной. Сегодня деньги любого вкладчика можно проверить и отследить их источник, если только он не выстроил сложную многоходовку из офшоров, на что способно незначительное меньшинство. Поворотным моментом в этой истории оказался 1989 год, когда на встрече лидеров G7 была создана организация по борьбе с отмыванием доходов, полученных нечестным путем – Financial Action Task Force (on Money Laundering, FATF). Издержки создания FATF – усложнение процесса транзакций и ухудшение отношений с клиентами. Раньше банки были второй церковью, банкир – священником, который едва ли мог выдать информацию о вкладах своих клиентов, рассматривая последнюю как форму исповеди. Сегодня, во избежание конфликтов с органами инспекции, банки сами готовы донести на своих клиентов, если существует опасность больших потерь.

Налоговая инспекция в Европе и России просвечивает нас, словно рентгеновскими лучами: на всех без исключения товарах, как и на чеках, которые мы получаем на кассе, есть штрихкод (QR code), связывающий товар с кассой и нас с товаром – и через него с дистанционным зрителем, налоговой службой. Оплата товара банковской картой или мобильным телефоном мгновенно отражается в нашей кредит-

ной истории, на счете – он же во многом похож на медицинскую карту, но только с гораздо более подробным описанием «состояния здоровья».

Но штрихкод – только элемент в цепи, по которой вас ведут к измененному маркетингом сознанию. Онлайнные и офлайнные модели маркетинга могут работать столь успешно, продавая, например, женщинам нужный шампунь, тушь для ресниц, помаду и проч., чтобы подтолкнуть их к беременности или наоборот увести от этой идеи. Этикетка на бутылки шампуня может в этом вопросе значить больше, чем желание партнера или советы друзей, поскольку она не говорит с женщиной напрямую, а встраивает свою покупательницу в систему слежения. Если по штрихкоду отслеживается товар и покупатель, то этикетка как бы дает возможность самому покупателю отследить «правильный» путь, будучи частью кодовой системы: желание→товар→цель. Хотя на деле траектория строится наоборот: желание←товар←цель; цель и товар принадлежат продавцу, который создает желание покупателя, и тот делает верный выбор. Хозяин цели берет под контроль не только материальную сторону процесса, но и ментальную. Покупатель, сам не осознавая того, достигает поставленной цели, отдавая за это не только деньги, но и свое время.

Штрихкод работает на алгоритме Рида – Соломона, изобретенном еще в далеких 1960-х, и представляет собой вариант недвоичного циклического кода, работающего с блоками

информации. По сравнению с прошлым УРС-кодом, штрих-код позволяет гораздо быстрее и эффективнее отслеживать и идентифицировать продукт, отслеживать время его появления и покупки, управлять документацией и заниматься маркетингом. Штрихкод сокращает время покупки, приобретения товара, из которого выстраивается система слежения за покупателями – новыми варварами. Высвобожденное время государство забирает себе, используя его как самый ценный социальный капитал⁴.

И действительно, деньги могут обнулиться, золото может потерять свою ценность, если исчезнет эквивалент его обмена, но время останется как первичный ресурс жизни самого социума. В современных обществах время генерирует информацию. Скажем без всяких преувеличений: мы – поколение штрихкода, связанные, точнее зараженные им экономически не хуже, чем COVID-19 заражает свои жертвы биологически. Чем больше мы делаем покупок, тем сильнее им заражаемся и тем более прозрачными и уязвимыми становимся для государства.

⁴ Когда эта книга уже была сверстана, я наткнулся на одно интервью Хуго Салинаса Прайса, миллиардера, главы Мексиканской Гражданской Серебряной Ассоциации и политического активиста, который употребил выражение «одолженное время» (borrowed time), за счет которого, с его точки зрения, живет наша цивилизация, погрязшая во лжи. Это любопытная мысль, но тут возникает проблема: время, в отличие от денег, нельзя одолжить, его можно только дать, потому что его нельзя вернуть, как минимум, если находиться внутри истории. Временем мы измеряем даже не сами физические процессы, а наши представления о них, иначе говоря – собственную работу над объектами.

Что дальше? Развиваться эта отрасль может в сторону «хорошей идентичности» (Good Identity), или ID 2020, как ее нежно окрестили авторы этой идеи, собравшиеся в прошлом году на саммите с таким названием. ID 2020 – это программа по созданию цифровой идентичности для всех живущих на планете людей, в которой участвуют несколько крупных компаний, среди которых Microsoft. Сама программа входит в пакет инициатив под названием «Цели устойчивого развития» (Sustainable Development Goals), которую планируется завершить к 2030 году. Интенции, понятно, самые гуманные: помочь людям без документов, беженцам и прочим категориям «ликвидного» населения приобрести электронный паспорт, с помощью которого они смогут получать медицинскую помощь и образование. В этом документе будет находиться вся информация о человеке, его биометрические данные, отпечатки пальцев и радужной оболочки глаза – индивидуальные и неизменные параметры каждого из нас. Информация будет шифроваться подобно финансовым транзакциям и храниться в блокчейнах, ни у одной организации не будет полного к ней доступа.

Но это новое Евангелие не так благостно, как это может показаться на первый взгляд. Речь идет о первом этапе создания цифрового человечества, что вероятно сейчас может выглядеть как забава IT-корпораций, но едва ли это останется исключительно электронным благом. Внедрение этого проекта может привести к уничтожению социального про-

странства, которое и без того постоянно суживается благодаря последовательной антисоциальной политике многих правительств, в первую очередь европейских, и соответственно – к уничтожению социального человека. Не следует думать, что социальность – это некая форма априорной чувственности в кантовском смысле, данная нам вместе с рождением. Отнюдь.

Социальность – хрупкая штука, она никогда не дана, а всегда является результатом взаимодействия людей на близких дистанциях: от получения ребенком материнской груди до случайных рукопожатий, улыбок прохожих, флирта, склок на улице и толчеи в метро. Социальный мир формируется близкими связями, которые выстраиваются в первую очередь сознательным или неосознанным установлением подобий. Любое здоровое человеческое общество есть система подобий: реальных, физических, воображаемых... Мы ищем их во всем и везде, даже там, где их нет. Для социальных животных, которыми мы являемся, подобия – это система безопасности. Социальный разум тратит львиную долю своих усилий на создание такой системы, и там, где она разрушается, социальное начинает терпеть крах.

Подобие не исчерпывается внешним сходством, оно касается также поведенческих, языковых, эмоциональных и иных паттернов нашего существования. Но – и это важно знать – подобие не может быть насильственным, нельзя заставить быть подобным, не разрушив самого социального

агента, как нельзя заставить любить. Однако именно это и делают современные системы власти: политическая корректность, запрет на свободу слова, подавление творческой мысли в университетах, слежка за медиасферой и многое прочее направлено именно на осуществление насильственного или принудительного подобию, когда я *должен* отказаться от своей индивидуальности ради сходства с остальными. В результате никто не подобен никому, что и разрушает социальность как таковую.

Цифровой индивид с «хорошей идентичностью», что звучит по-фашистски оптимистично, не социальное животное и даже не политическое (ζῷον πολιτικόν), как его определял Аристотель, а ζῷον υπάκουος – послушное животное, которого можно выращивать, кормить и управлять им на дистанции, так, как это делают с фермерскими курицами при помощи оборудования фирмы Big Dutchman. Огромная система платформ с движущимися кормушками, которые раздают пищу птице и управляются из единого удаленного центра. Примерно таким же видят управление цифровыми курицами, людьми с «хорошей идентичностью», авторы этого замечательного проекта.

Эти строки написаны не для того, чтобы вызвать читательские охи-ахи, их цель – призвать к сопротивлению. Сопротивлению осмысленному, которое сохранит социальность, а не превратит всех в рабов.

Нельзя не признать, что благодаря коронавирусу мы мно-

гое узнали друг о друге, да и о самих себе. Китай, где возник эпицентр пандемии, проявил себя чуть ли не как истинный рыцарь, этакий Гёц фон Берлихинген, когда успешно задал эпидемию в Ухани и начал снабжать масками остальной мир, в частности Италию. Евросоюз, напротив, проявил себя как плохой налоговый инспектор, рассадивший всех должников по клеткам, не понимая, что делать дальше. Америка тоже оказалась чуть ли не беспомощной, в срочном порядке начав залатывать дыры в системе медицинского обеспечения населения, попутно размещая своих зараженных на военном корабле из-за нехватки больничных коек. В России, подглядев у соседа, как нужно действовать, всем стали мерить температуру, а в это время в магазинах исчезла гречка, а в аптеках маски – пока со временем все не пришло в норму. Однако основное в этой истории не эти бытовые неурядицы и даже не наш технологический страх перед вирусом, а политическая и, если угодно, экзистенциальная реакция на угрозу «извне».

Коронавирусную пандемию часто сравнивают с войной и военными действиями, но аналогия неверная. Во время войны есть тыл и фронт, на фронте, возможно, интереснее, в тылу – безопаснее. Сейчас у нас нет деления на тыл и фронт, как нет на армию и главный штаб, Ставку, где более безопасно. В отличие от человеческого врага, вирус не завоевывает территорию «снизу вверх». Заразиться может любой, и не существует социальной лестницы, имеющей место как в мир-

ное время, так и в военное. Если у товарища Сталина, который выезжал на фронт только в романе «Счастье» (1947) Петра Павленко, шансы погибнуть от вражеской пули были невелики, то с нынешними президентами и королями совсем иначе.

Британский премьер Борис Джонсон, который в начале не особенно напрягался по поводу эпидемии и даже ратовал за коллективный иммунитет – переболеют, станут сильнее, – сам стал жертвой COVID'a-19 и был вынужден проходить интенсивную терапию. Возможно, определенную роль в перемене настроения Джонсона также сыграл доклад эпидемиолога Нейла Фергюсона и его команды от 16 марта 2020 года, в котором он советует применять карантинные методы сдерживания эпидемии (non-pharmaceutical interventions). Заразился коронавирусом премьер-министр России Михаил Мишустин, пресс-секретарь президента РФ Дмитрий Песков.

Если во время Великой Отечественной войны часть писателей и ученых была эвакуирована в Среднюю Азию, то ныне их эвакуировать некуда, каждый может в лучшем случае самоэвакуироваться на дачу. Фронт и тыл везде и нигде.

Новый враг – новая ситуация. Случайно или нет, он неплохо вписался в дизайн современного мира, а тем более его технологий слежки и контроля гражданского общества, которые чем дальше, тем больше сами превращаются в невидимую большинству виртуальную ризому: микрочипы, спут-

ники, камеры наблюдения, коды и идентификационные номера – своего рода вирусы, уже поразившие социум и основательно подорвавшие его иммунитет. Однако против таких вирусов никто не торопится искать вакцину. COVID-19 – древнейший, но он и на удивление хайповый персонаж, чьи стратегии выживания очень похожи, например, на стратегии сегодняшних банков.

Если коронавирус, не способный жить самостоятельно, попадает в клетку организма-хозяина и перестраивает ее таким образом, что она начинает работать на него, банки делают примерно то же самое с доходами подавляющей части населения земного шара. Многие самые развитые государства уже привыкли работать на банки, которые бы уже давно рухнули без отчаянной государственной помощи – по сути, налогоплательщиков. В 2011–2012 годах европейские банки избежали коллапса только благодаря триллионной «инъекции» государства, но опять же почти никто не предъявляет претензий этой коронабанковской системе, воспринимая ее как необходимый элемент экономического пейзажа. Правда, об эпидемии, которая тогда захватила банки, говорили только относительно независимые эксперты. Триллионную инъекцию впрыснули быстро и незаметно для законопослушных граждан. Врачи по банковским заболеваниям знают: прирученные граждане стерпят.

А в Исландии, где никогда не существовало феодализма и рабства, и социальное сознание исландцев основано на глу-

бинной идее свободы, а не подчинения, люди лечить банки за свой счет не захотели. В 2008 году, когда из-за сложностей в рефинансировании краткосрочных долгов, закрытии депозитов иностранными вкладчиками, главные банки Исландии, а вместе с ними вся страна, оказались на грани суверенного дефолта, народ вышел на улицу, в Рейкьявике начались серьезные волнения. Однако демонстрантов полиция газом не травила, из вертолетов по ним не стреляли, глаза не выбивали – это для сравнения с «желтыми жилетами» во Франции десять лет спустя. Протесты привели к отставке правительства, объявленной в январе 2009-го премьером Гейром Хорде, власть перешла временному, а затем демократически избранному правительству Йоханны Сигурдардоттир, ранее возглавлявшей «народное движение» (Pjöldvaki). Не помню, чтобы президент Макрон в период выступлений «жилетов» кого-то отправил в отставку, хотя должен был начать с себя. Вместо того этот «революционер» из банка Ротшильда, надежда Европы, как его называет социолог Юрген Хабермас, предпочел в первые же недели выступлений арестовать и дать сроки примерно полутора тысячам человек.

Разумеется, не нужно думать, что Исландия – рай на земле, как иногда ее представляют в туристических буклетах. Как и все сегодня развитые страны, она зависит от колебаний фондового рынка, МВФ и иных дистанционных смотрителей, но все же, в качестве постскриптума. В феврале 2010 года Альтинг, исландский Парламент, одобрил выпла-

ты компенсации частным банкам-банкротам, но президент страны Оулавюр Рагнар Гримссон наложил вето на это решение, предоставив право народу решить вопрос через референдум.

Сегодня ситуация иная. Чтобы посадить под домашний арест три четверти населения планеты нужны не просто веские основания, нужна *панмедия* – новая технология коллективного психоза. Недавно репетиция такой панмедики прошла с Гретой Тунберг в главной роли, но экофашистский спектакль скорее развлек обитателей нашей планеты, нежели вызвал страх. Необходима альтернатива библейского масштаба: сиди дома или умри!

Если позволить медицинскую аналогию, то панмедиа – это электронная версия *куру*, инфекционной (прионой) болезни, которой в середине прошлого века заболели аборигены племени форе, живущие в районе Окапа в Папуа Новой Гвинее. Динамика *куру* начинается с сильной общей усталости, позже возникают головные боли, судороги и в последней фазе постоянная дрожь. В течение нескольких месяцев деградируют ткани головного мозга, превращаясь в губчатую массу, дегенерации подвергаются клетки нервной системы, отвечающие за мышечные движения, что приводит к тремору – страшный путь к *kwelanandamundi*, земле мертвых. Американский врач Даниэл Гайдушек, работавший среди форе и изучивший это заболевание, пришел к выводу, что его причиной явилась цереброфагия – каннибализм, когда членами

племени поедается мозг умершего родственника или убитого врага. Форе считают, что во время такой трапезы к ним переходит его ментальная сила.

Слово *куру* означает «дрожь», что и происходит с нами сегодня всякий раз, когда мы попадаем в медиапространство. Мы довольно быстро теряем способность к самостоятельному мышлению, доверяя это дело правительствам. Немецкий микробиолог Сухарит Бхакди, обратившийся недавно к канцлеру Германии с вопросами, считает, что принятые правительством меры неадекватны патогенному характеру данной инфекции и ведут к деструкции в системе здравоохранения и экономике в целом. Того же мнения придерживается академик РАН, пульмонолог А.Г. Чучалин, который сообщил, что 35 % медперсонала больницы, где он работает – Национальный медико-хирургический центр имени Н.И. Пирогова – имеют антитела. Иначе говоря, это все люди, чья иммунная система может успешно справиться с SARS-CoV-2, учитывая, что они сами не болели этим вирусом. На встрече с президентом Путиным 20 апреля 2020 года Чучалин советовал не «драматизировать ситуацию в целом и не перегибать палку»⁵ с карантином.

Коронавирус внушает страх, и этот страх не только биологический – от столкновения с древним монструозным разрушителем жизни. Есть и другая причина, возможно, плохо осознаваемая: COVID-19 в чем-то очень похож на совре-

⁵ <https://www.youtube.com/watch?v=x6W-5DH-DWk>

менные цивилизационные технологии, действующие быстро и невидимые для большинства. Эти технологии одинаково работают в системе слежения и контроля за людьми, в финансовом секторе, во властных структурах и тех же СМИ, когда, проникая в сознание отдельного человека, своей «жертвы-хозяина», они заставляют его работать на себя.

Подчеркну: это не метафора. Панмедийный, или *куру*-эффект от нападения коронавируса на современную цивилизацию вполне сопоставим с тем воздействием, которое производили на население средневековой Европы эпидемии чумы. Люди были склонны видеть в этом Господню кару и обещанный конец времен. Они, что естественно, воспринимали чумные эпидемии в терминах своей культуры. Страшная коллективная смерть может быть только результатом коллективного греха или каких-то иных мистических причин, непонятных людям и плохо объясненных католической церковью. Историк Уильям МакНейлл в своей известной книге «Чумные эпидемии и люди» считает, что эти катастрофы отвернули тогда многих от рациональной теологии св. Фомы Аквинского, едва ли способной помочь осознать такие происшествия. Напуганные до смерти европейцы начали искать отдушину в языческих культах, гедонизме и оккультных верованиях, что, по мысли МакНейлла, немало способствовало позже успеху лютеранской Реформации⁶.

⁶ McNeill, William H. *Plagues and People*, New York: Anchor Books, 1976. С. 163–164.

Еще больше, чем сильного врага, человек боится врага неизвестного, происхождение и цели которого он не в состоянии объяснить. Как и люди Средневековья, мы, живущие сегодня, так же объясняем эпидемию в терминах нашей культуры: COVID-19 – творчество биохимиков, лабораторная ошибка, секретный эксперимент, голем XXI века; мы же верим в науку как в Бога, вместо коллективного греха – научная ошибка, вместо конца времен – крах мировой экономической системы. Хотим мы того или нет, мы воспринимаем корону еще, или прежде всего, как продукт нашей культуры, в самом широком смысле. Инопланетянин, древний монстр, научившийся выживать лучше Ди Каприо из голливудского блокбастера, но при этом актуальный персонаж, в фокусе которого собрались многие наши фобии, сомнения и желания. О них-то и пойдет речь в этой книге.

Между Эросом и Танатосом

Вирус – очень особенная сущность, его точная природа еще до конца не изучена. Особенность заключается прежде всего в том, что он расположен на границе живой и неживой материи. Такая позиция уже сама по себе загадочна, если не сказать – алхимична. В повседневной жизни мы привыкли различать живое и неживое: камень – вода, птица – воздушный змей, человек – робот и т. п. И даже если нечто органическое мертво на 99 %, как герой одноименного фильма, то оно все равно считается живым.

С вирусами все сложнее, они – на границе этих двух категорий и они сильно старше любого живого организма. Возраст класса коронавирусов порядка 2 млрд лет, а одному из самых старых органических существей, недавно обнаруженной зеленой водоросли по имени *Proterocladus antiquus* – около 1 млрд лет. Впрочем, у некоторых исследователей имеются сомнения относительно такой ее старины, поскольку вроде бы в ней нашли признаки дифференциации клеток, что говорит о ее более молодом возрасте, возможно, порядка 800 млн лет.

Вирусы старше всего живого на нашей планете, включая эукариот – живых организмов, содержащих ядро, которые появились 2,1-1,6 млрд лет назад и которых, по-видимому, можно считать родителями всей органики на планете. У этих

эукариот генетический аппарат клетки находится в ядре и защищен от угроз внешней среды ядерной оболочкой, их ДНК линейная и связана с белками-гистонами и хромосомными белками, отсутствующими у бактерий. Помимо этого, клетки эукариот имеют так называемые органеллы – митохондрии и пластиды – обладающие своим генетическим аппаратом и способностью к дифференциации, размножению. Известно, что структура органелл сильно похожа на бактериальную, что говорит об имевшем место симбиозе между эукариотами и бактериями – «межрасовые браки» эпохи протозоя – и чего не случилось с прокариотами, последние обладают малым количеством органелл и у них нет двойной мембраны, как у эукариот.

На фоне этой вполне продвинутой органической жизни, вирусы кажутся бедными родственниками, точнее – не родственниками, а люмпенами, приходящими на огонек в рабочие бригады. Вирусы – бесклеточные существа, или агенты, они могут функционировать и размножаться только внутри чужих клеток, то есть в среде органиков, а некоторые – других вирусов. Что интересно не только с биологической, но и с метафизической точки зрения: природа запрограммировала в жизни наличие постоянной угрозы самой этой жизни. Или иначе: сама природа и есть состояние постоянного сражения между органической жизнью и ядом – слово *vīrus* на латыни «яд».

Еще давно Фридрих Ницше обратил внимание на борьбу

Эроса и Танатоса, он был склонен описывать человеческую историю именно в этих терминах. Кому-то такая двуполярная структура покажется излишне упрощенной или вообще неверной, мол, ну сколько можно нам проповедовать манихейство с его бинарным кодом?

Сегодня, как мало, наверное, когда, мы снова убеждаемся в справедливости этой модели. Более того, мы в ней убеждаемся каждый раз, когда оказываемся перед лицом настоящей опасности – не тупых фантазий политкорректных чиновников, рассаженных по миру для изготовления фашизоидных протоколов и инструкций: как нам себя вести, кого и как любить, что и когда говорить, потому что в противном случае мы можем обидеть какое-нибудь очередное меньшинство или новую группу защитников своих прав, – а опасности выживания. Но как бы мы ни относились к подобной культурологической простоте, существующей по модели Эроса и Танатоса, в природе пока не придумано ничего более оптимального.

Так же в сущности функционируют и клетки нашего организма. Будучи сложнейшим и одним из самых красивых механизмов в известной нам Вселенной, включая ее самую, клетка, если грубо, представляет собой микро-ГЭС, гордость экономики СССР, – фабрику по производству энергии из внешних ресурсов. Каждый день в нас умирают множества клеток, чтобы на их месте родились новые, и так всю нашу жизнь. Эта работа не останавливается ни на мгнове-

ние, она продолжалась и в семнадцати мгновениях весны, как у известного советского разведчика, так и у его немецких врагов. Потому что, как биологические существа, вне нашей принадлежности к тому или иному политическому режиму, религии или расе, мы тоже являемся мобильной фабрикой, только большего масштаба.

Если кому-то не нравятся ницшеанские категории «Эрса» и «Танатоса», если кого-то смущает их метафоричность или поэтичность, замените их на живое vs. ядовитое, лечащее vs. убивающее, самостоятельное vs. зависимое... Все эти пары будут справедливы и в большей или меньшей степени сгодятся для описания взаимоотношений между организмом и вирусом. Следует задуматься: то, что в эпоху протерозоя, т. е. порядка 2,5 млрд лет, а возможно и раньше, в эпоху архея – мы знаем, что уже в палеоархее (3,5 млрд лет) существовали бактерии, клеточные субстанции⁷, – начали возникать вирусы, означает, что природа не предусмотрела наличие инварианта, идеального носителя всех качеств. Уже на самых ранних этапах биоцивилизации она разделила мир на живое и ядовитое – вероятно, это самый оптимальный режим для самоусовершенствования, который нам тоже следует принять во внимание, но об этом позже.

Вирусы сконструированы очень хитрым способом: они

⁷ Когда мы говорим о клеточном строении бактерий, необходимо помнить, что они принадлежат другому домену: прокариотам. В отличие от эукариот, у них нет четкого клеточного ядра и иных органоидов (см. ниже).

способны заражать все три так называемые домена жизни. Напомню, что «трехдоменную» биологическую классификацию в 1977 году предложил американский микробиолог Карл Вёзе (1928–2012), прежде всего известный как создатель нового научного направления, молекулярной филогенетики и изобретатель рРНК часов: он показал, что скорость эволюции рРНК является в целом постоянной, а если так, это дает совершенно иные возможности для исследований эволюционной биологии. Три домена жизни, по Вёзе, – это бактерии, эукариоты и открытые им археи, одноклеточные организмы, лишённые ядра. Все трое являются родственниками – насколько близкими? – предмет научных споров, но их родство доказывается схожестью у бактерий и архей размера и формы клеток, хотя бывают исключения, ну это как всегда. При этом часть ген и метаболические пути архей, например, ферменты, служащие катализаторами транскрипции и трансляции, имеют много общего с эукариотами. Есть и отличия: липиды в мембранах клетки.

Археи являются автотрофами, или хемоавтотрофами (от др.-греч. αὐτός – сам и τροφή – пища), своего рода первыми алхимиками на Земле – они научились синтезировать органические вещества из неорганики и благодаря этому своему замечательному умению по праву занимают первую ступень в пищевой цепочке; мы, вероятно, последнюю. Археи потребляют гораздо больше энергии для жизни, чем эукариоты, и их самочувствие – в этом они с нами похожи – напря-

мую зависит от количества солнечного света. Интересно, что в 2016 году группа ученых-биологов, Лаура Хаг, Брет Бейкер, Картик Анантараман, Кристофер Браун и Александр Пробст, в журнале Nature Microbiology опубликовали обновленную версию филогенетического древа, где большую часть мирового биопространства, а по-простому Lebensraum'a, занимают бактерии. Да, это мы живем на их планете, а не они на нашей.

Словом, вирусы устроены так, что они могут заражать все три перечисленных домена. Они практически вездесущи. Для криминалиста, расследующего преступления вирусов, точнее – для судмедэксперта, который бы хотел разобраться в криминогенной истории этого преступника, важно обратить внимание на связь между вирусами и вирусными белками, которые предшествовали трехдоменному разделению жизни и которые уходят своими корнями к тому, что сегодня принято называть в науке «последний общий универсальный предок» (Last Universal Common Ancestor, LUCA), по-русски лучше ПОУП, звучит так же, как имя английского поэта XVIII века, переводчика «Илиады» Гомера на английский язык. Этот ПОУП жил 3,8–3,5 млрд лет, в палеоархейскую эпоху, и был, исходя из наших сегодняшних знаний, прародителем всего живого на планете.

Если вирусы относятся к ПОУПу как поэты Серебряного века к Пушкину, то мы вполне обоснованно можем утверждать, что возникновение яда в органическом мире совпа-

дает по времени с моментом начала дифференциации самой жизни. Интересный, опять же в метафизическом аспекте, вопрос: почему так случилось? Не важно, верим ли мы в создателя, панспермию или Дарвина – почему возникновение различных форм живой органической материи достаточно быстро натолкнулось на необходимость сражаться с ядом, который стал угрожать и угрожает до сих пор ее существованию? Сама наука, как правило, не задается вопросом «почему», он ей кажется непрактичным, второстепенным; ее интересует «как», но поскольку мои здесь размышления не являются научными хотя бы уже потому, что я не биолог и не вирусолог, то вольность поразмышлять на тему «почему» вполне допустима.

Сегодня существуют три основные гипотезы генезиса вирусов: регрессивная, клеточного происхождения и гипотеза коэволюции. Первая, регрессивная гипотеза, говорит нам о том, что когда-то – в ту же палеоархейскую эпоху или еще раньше – вирусы были клетками, которые жили за счет других, более крупных клеток. Но, как известно, паразитический образ жизни до добра не доводит, недаром в СССР боролись с паразитами и тунеядцами, – и со временем у этих клеток-тунеядцев отпали те гены, которые оказались лишними, не задействованными в трудовых буднях. Ну как если вы не тренируете память, то повышаете риск пополнить ряды больных Альцгеймером, а если совершенно не занимаетесь спортом, то сильно понижаете физические возможности

вашего тела. Иными словами, неработающие клетки потеряли способность к самовоспроизводству, для этого им нужен «хозяин», которого вирус сначала отравит, а потом заставит работать на себя. Если по Гегелю: раб превращается в господина своего господина.

В подтверждении этой гипотезы дегенерации приводят случаи с бактериями, а именно одноклеточными риккетсиями и хламидиями, которые способны размножаться только внутри другой клетки. Риккетсии, известные как возбудители пятнистой лихорадки Скалистых гор – инфекционное заболевание, которое переносит неприятный клещ *Dermacentor andersoni*, – взяли фамилию своего открывателя, американского биолога Ховарда Риккетса (1871–1910), погибшего от тифа в Мексике. В начале 1980-х годов технику культивирования риккетсий изобрел французский врач Дидье Рауль, работающий сегодня в Средиземноморском институте инфекционных болезней. В середине марта 2020-го Рауль выступил в прессе с заявлением, что нашел вакцину против коронавируса, а ученый он серьезный, и сказал он это явно не для хайпа, но заботливое французское правительство, всегда верное своим высоким принципам, вместо того, чтобы немедленно дать разрешение на испытание препарата, способного остановить развитие инфекции на ранней стадии, решило углубиться в дела бумажные, выяснить, насколько он соответствует современным нормам и протоколам.

Вторая гипотеза говорит о клеточном происхождении вирусов. В те же древние времена фрагменты ДНК и РНК могли по каким-то причинам отпочковаться от основной цепочки генома «господина», крупного клеточного организма, и зажить отдельной, но зависимой от последнего жизнью. Это могло произойти с трансмидами, молекулами ДНК, способными к межклеточной миграции, и транспозонами, блуждающими молекулами внутри одного генома. Транспозоны (transposons, mobile elements) обнаружила в 1950 году американский цитогенетик Барбара МакКлинток (1902–1992), и с тех пор они прочно вошли в корпус штудий по эволюционной генетике.

Место МакКлинток на научной карте США примерно то же, что у Николая Вавилова в СССР, но ей повезло значительно больше: несмотря на то, что ее работы по генной регуляции и «контролирующим элементам» хромосом были оценены далеко не сразу, а некоторыми коллегами воспринимались даже враждебно, ее все же никто не обвинял в продвижении заведомо ложной теории и у нее не было своего Александра Хвата, который бы пытал ее по ночам, выбивая признания⁸.

Полюбив еще в молодости кукурузу не меньше, чем годы спустя Никита Хрущев, МакКлинток продолжала ею за-

⁸ А.Г. Хват (1902–1993) в 1940-м был следователем Вавилова. Тот факт, что он дожил до «лихих 90-х», и его не судили ни в послесталинском СССР, ни в новой России – преступление.

ниматься на протяжении всей своей научной карьеры, сделав ряд важнейших открытий, в том числе рекомбинации наследственной информации как следствие crossing-over'a, что изменило наши представления о геноме как статичной структуре, передающей эту информацию от одного поколения другому *intactus*. МакКлинток пришла к своим открытиям благодаря изучению поведенческих моделей геномов, или паттернов, из которых, как она верила, состоит вся природа без исключения. Как отмечал исследователь ее творчества Натаниэль Комфорт, «паттерн – это точка отсчета для понимания сути контролирующих элементов, открытых МакКлинток, и кроме того ее уникального взгляда на природу. Она была особенно чутка к нюансам таких паттернов, которые давали ей ключ к поведению хромосом...»⁹

Во многом открытие МакКлинток транспозонов произошло в результате тщательного изучения геномных девиаций, сломов в поведении и новых сращений тех или иных хромосом (в частности, в 1939 году с помощью рентгеновского аппарата она изучила поведение нормальной и аномальной, перестроенной 9-ой хромосомы), что в конечном счете ведет к увеличению хромосомного разнообразия. Этот же процесс, как выяснила МакКлинток, оказался ответственным за вариегантность, или пестролистность, у растений. Вирусы,

⁹ *Comfort, Nathaniel C. The Tangled Field. Barbara McClintock's Search for the Patterns of Genetic Control. Cambridge, Massachusetts, and London: Harvard University Press, 2001. С. 71.*

однако, не дремлют и в этом мире прекрасного. Они поражают листья растений, симптомом чего, как правило, является образование узоров; например, мозаичный вирус, производящий на листе своеобразные мозаики, или цитрусовый вирус, принадлежащий семейству Bromoviridae, который заражает листья лимонных и грейпфрутовых деревьев. Поэтому, если вы разглядываете замысловатую мозаику на листе лимонного дерева, не спешите видеть в ней извечную красоту природы.

Третья гипотеза – коэволюция. Речь в ней идет о том, что вирусы произошли из комплексов белков и нуклеиновых кислот в ту же эпоху, что и первая клеточная жизнь. Не забудем также и о вириодах, которые не являются вирусами, поскольку не имеют внешнюю белковую оболочку, капсид, и состоят только из кольцевой РНК, но при этом играют огромную роль в патогенезе растений, используя клетку-хозяина для репликации. Вириоды были открыты в 1971 году швейцарским фитопатологом Теодором Динером, изучавшим патогенез картофеля, или проще говоря, существенную деформацию клубня, который был замечен агрономами на полвека раньше – пораженное растение утрачивало обычную форму и становилось веретеновидным. Динер предположил, что картошка заболевает не от какого-то неизвестного вируса, а от агента нового вида, чьи размеры значительно меньше вирусных, и это оказалось правдой. Вириод, поразивший столь важный для человечества продукт, оказал-

ся на восемь порядков меньше стандартных размеров вируса. Позже, в середине 1970-х, микробиолог Вольфрам Зенгер и его коллеги провели углубленное изучение этого картофельного вироида и пришли к выводу, что причиной деформации формы клубней является конкретный патоген – одноцепочная, ковалентно замкнутая молекула РНК, имеющая плотную палочковидную структуру (подробности ее морфогенеза я опускаю¹⁰). Иными словами, этот виرويد прокрался в клетку картофельного клубня, запустил процесс РНК-сайленсинга в уже известной нам эукариотической клетке, когда вместо защиты последней от вирусов происходит блокировка определенных генов, невозможность их экспрессии, в результате чего клетка-хозяин заболевает.

Уже в конце 1980-х Динер предположил, что вироиды являются древнейшими реликтами, они могли появиться на Земле еще до самих вирусов и представлять доклеточный РНКовый тип жизни. Через тридцать лет Динер вернулся и дополнил свою теорию новыми наблюдениями (кстати, сегодня ученому 99 лет и он еще вполне в форме), которые многими из его коллег принимаются, хотя и не без оговорки об альтернативных источниках происхождения органики.

Подытожим – у нас есть три главных гипотезы о том, как возникли вирусы: *регрессивная*, предлагающая рассмат-

¹⁰ Для энтузиастов, а тем более сидящих на карантине, очень советую книгу Зенгер, В., Принципы структурной организации нуклеиновых кислот. Москва: Мир, 1987.

ривать вирусы как своего рода падших ангелов; *клеточного происхождения*, рассматривающая вирусы как этакий правый уклон – помним слова тов. Сталина, «правый уклон в коммунизме в условиях капитализма означает тенденцию <...> к отходу от революционной линии марксизма в сторону социал-демократии» – в нашем случае, революционная линия означает развитие жизни по клеточному сценарию; и гипотеза *коэволюции*, согласно которой вирусы пошли по самостоятельному пути развития, используя тот же материал, что и клетки. К тому же, благодаря открытию Динера, мы еще знаем о вироидах – носителей доклеточной реликтовой формы жизни.

Большинство вирусологов и биологов согласны с тем, что каждая из этих трех теорий объясняет какой-то важный аспект вирусного Dasein, как бы сказали старые немецкие авторы – Гегель или его нацистский комментатор, – но при всем том остается немало вопросов, и ни одну из этих теорий нельзя считать полной. Например, мы так и не знаем, почему микропаразитические организмы не являются вирусами? Каким образом вирусы, отпавшие от своих клеток, приобретают капсид? А если действительно имела место коэволюция, то почему вирусы не воспользовались древним естественным правом и не приобрели себе клетку, а предпочли вести зависимое существование? Очевидно, что с точки зрения оптимизации жизни и эволюционного процесса, если мы дарвинисты, постоянная жизнь при ком-то – не самый хоро-

ший вариант. А если мы, как Ньютон, верим в сверхразумного Демиурга, то тем более не понятно, зачем ему было создавать столь бессмысленных, всем досаждающих существ?

Снова возник запрещенный в строгой науке вопрос «зачем», но оставаясь в рамках метафизики, мы можем выдвигать гипотезы. Например, такую: вирусы оказались необходимыми для того, чтобы ввести все клеточные существа в режим постоянного выживания. Это нужно даже не столько ради какой-то высшей цели, которой у природы, если ей не приписывать божественного аспекта, может просто не быть, а для диверсификации самого процесса распространения жизни. Нет сомнений в том, что диверсифицированная система гораздо стабильнее и успешнее в плане адаптации к внешней среде. Вирусы в процессе своего развития выработали гиперадаптационные способности, благодаря которым они способны перестроить иммунитет – платформу, на которой строится вся коммуникация органических существ с внешней средой. Белок коронавируса, к примеру, снимает врожденную иммунную защиту своего хозяина, обезоруживая его таким образом перед средой.

Другая гипотеза состоит в том, что вирусы – это параллельный путь развития и хранения геномной информации, возможно, на тот случай, если ДНК-мир исчезнет, что отчасти коррелируется с «РНК-мировой гипотезой», впервые высказанной Карлом Вёзе, а затем развитой Лесли И. Орджелом и Уолтером Гилбертом. Поскольку РНК у вирусов берет

на себя функции ДНК у живых организмов, то можно было бы предположить, опять же не выходя за рамки естественной метафизики, что вирусы играют роль баскур'а. И чтобы баскур был всегда в форме, они не прячутся в потаенных пещерах цивилизации, словно «великие учителя» в Шамбале, а находятся в постоянном взаимодействии с органической жизнью.

Первооткрывателем вирусов считается Антони ван Левенгук (1632–1723), голландский торговец, натуралист который их увидел в сконструированный им самим микроскоп. Микроскоп Левенгука был прорывным техническим изобретением, хотя имел ряд ограничений в силу несовершенства линз, которые тем не менее давали увеличение примерно в пятьсот раз. С его помощью Левенгук смог увидеть крошечных существ, без хвоста и очень юрких. Встреча с неизвестным дотоле миром оказалась столь внезапной, что научный истеблишмент поначалу не поверил сообщению натуралиста. В 1676 году к Левенгуку прибыла ученая делегация во главе с другим выдающимся натуралистом, англичанином Неемией Грю, автором «Анатомии растений» (1682), открывший у них органы размножения, которая подтвердила подлинность сообщения голландца.

Медицина XVII века считала, что источник всех болезней находится внутри организма, патогенный механизм мыслился исключительно как внутренний, влияние внешних факторов, а тем более невидимых глазу, не рассматривалось. Эту

парадигму было не так легко сломать, и во многом это произошло благодаря очередной эпидемии чумы, пришедшей в последней трети XVIII века в Россию. Екатерина II не представляла размеры бедствия, вероятно, от нее их скрывали, и должные карантинные меры приняты не были. Чума быстро распространилась по городам, сея панику и смерть. Летом 1771 года в больницу при Николо-Угрешском монастыре, построенном в честь победы на Куликовом поле, прибыл молодой медик Даниил Самойлович (1744–1805). Он мгновенно занялся лечением зараженных, рассчитывая только на свои силы. Кроме него врачей в монастырской больнице не было. Смертность росла с каждым днем, погибал почти весь медперсонал, и Самойлович начал изобретать меры защиты, которые оказались действенными. Он понял, что основное заражение происходит через дыхание и телесный контакт, поэтому все помощники могли подходить к больным только в самодельных масках в халатах, пропитанных уксусом и смазанных дегтем. Это тут же снизило количество и скорость заражений среди медперсонала. Вдобавок сам врач, который лично вскрывал бубоны на теле пациентов, носил окуренную одежду тех, кто уже умер от чумы.

Революционная идея Самойловича состояла в том, что он первый начал готовить прививки из содержимого бубонов. Ослабляя агента болезни, который по понятным причинам оставался для него невидимым, он превращал его из убийцы в спасителя. После победы в чумной войне Даниил Са-

мойлович отправится в Европу продолжать обучение, опубликует серию работ, где изложит свои взгляды на происхождение Черной смерти, и внесет огромный вклад в развитие акушерства.

Коллега и современник Самойловича, английский врач Эдвард Дженнер (1749–1823) пошел по тому же пути, применил вакцину против натуральной оспы – одной из самых страшных болезней той эпохи. Идея была очень похожей: использовать материал болезни для борьбы с ней. На протяжении долгого времени Дженнер изучал литературу по народному врачеванию. Он заметил, что издревле, и в самых разных культурах, люди интуитивно стремились построить защиту от болезни таким способом, вводя оспенный гной в тело больного или приготавливая специальный раствор из оспенных корочек. Кто-то после этого умирал, кто-то переносил заболевание относительно спокойно и выздоравливал. Мысль понятна, люди стремились привить своим зараженным иммунитет – почти магическое действие, учитывая, что это делалось без какой-либо теории, на чистой интуиции.

Однажды и сам Дженнер решился на подобный эксперимент. Собрав материал коровьей оспы на руке одной доярки, заразившейся этой болезнью, не опасной для человека, Дженнер стал постепенно, малыми дозами его вводить здоровому восьмилетнему мальчику по имени Джим Фиппс. После нескольких недель таких сеансов Дженнер стал заражать Фиппса уже натуральной оспой, врач проделал этот

триок два десятка раз, но ребенок так и не заболел. Хотя Фиппс остается сегодня самым известным «первым» вакцинированным человеком в Европе, он таковым на самом деле не является. Несколькими годами ранее учитель из города Киля, Питер Плетт, таким же точно способом вакцинировал трех школьников, используя ту же коровью оспу. А в 1774 году, когда очередная эпидемия оспы стала накрывать Англию, фермер из Йетминстера, Бенджамин Джести, вакцинировал коровьей оспой себя и свою семью, используя иглу для пошива мешков. Несмотря на косые взгляды соседей, которые расценили поступок Джести как варварский, эксперимент оказался удачным и даже был оценен (в прямом смысле слова) правительством Уильяма Питта Старшего.

Наука пришла к открытию вирусов позже, в конце XIX века, когда микробиолог Дмитрий Иванович Ивановский (1864–1920), занимавшийся болезнями растений, в 1892 году открыл вирус табачной мозаики, поражающий все растения рода *Nicotiana*. Табачной мозаикой также занимался голландский ботаник Мартин Бейеринк (1851–1931), опиравшийся в этом на труды немецкого агронома Адольфа Майера, который находил причину табачной мозаики в бактериальном заражении растений, что оказалось неверным. Бейеринк опроверг это мнение, в своих исследованиях он показал, что растения заболевают от микроскопических агентов, которые, как он считал, имеют жидкообразную природу и способны редуцироваться в организме хозяина. Вместе с Пастером

или независимо от него, он назвал их «вирусами».

На самом излете XIX века два немецких микробиолога, Фридрих Лёффлер (1852–1915) и Пауль Фрош (1860–1928), сражались с крайне неприятным недугом под названием «ящур», атакующим грызунов, кур и крупных животных. Он принадлежит к семейству пикорнавирусов, имеющих как правило форму икосаэдра. Кстати, эти икосаэдры весьма опасны и для человека, они являются возбудителями полиомиелита, ринита и гепатита А, среди прочих. Тогда Лёффлер и Фрош этого еще не могли знать, но именно сражаясь с ящуром, эти ученые в 1898 году открыли субстанцию, которая, в отличие от бактерий, свободно проходила сквозь фарфоровые фильтры. Эта субстанция или агент была идентифицирована ими как единственный возбудитель болезни. Так возникла вирусология – наука о бесклеточной жизни.

COVID доступа: жизнь

Поведение COVID-19, как и остальных вирусов, очень интересно тем, что не будучи изначально в научном понимании живым, он становится таковым или мастерски мимикрирует живого в процессе взаимодействия с последним. Если средневековый философ и богослов Фома Аквинский, повторяя мысль Демокрита и Платона, считал, что мимезис заключается в подражании природе, «*ars imitatur naturam*», то Аристотель в «Поэтике» говорил о подражании как творческом акте, когда художник доводит само произведение природы до совершенства. Творчество коронавируса ближе к аристотелевскому определению мимезиса. Его мастерство состоит в удивительной способности выдать себя живому организму за того, кем он не является – обеспечивающим жизнь клетки элементом.

Разнообразие вирусов огромно, порядка шести миллионов, и они далеко не все похожи на нашего панмедийного врага. Одни – как он, другие имеют форму спирали, яйца или, как на рисунке ниже, могут напоминать букву *фу* из японской азбуки катакана¹¹. Их размеры тоже варьируются: от 20 до 300 нм в диаметре. Интересно, что вирусы могут поражать не только людей и животных, но и бактерии – та-

¹¹ Подробнее о формах вирусов: Вирусология (в 3-х тт.), под ред. Б. Филдса и Д. Найпа. Т. 1, Москва: Мир, 1989. С. 28 и далее.

ких называют бактериофагами, их обнаружил в 1917 году французский микробиолог Феликс д'Эрелль (1873–1949), не писавший никаких диссертаций и едва ли вообще имевший высшее образование¹².

¹² Бактериофагов открыл в 1915 году английский ученый Фредерик Туорт (1877–1950), изучая натуральную (черную) оспу, а именно вакцинию – осложнение оспенной вакцинации в форме дерматоза, которая вызывается распространением вируса осповакцины. Туорт заметил, что существует некая «сущностная субстанция», которая дает вирусу вакцинии расти в лабораторных условиях. Туорт предположил, что причиной этой субстанции являются сами зараженные бактерии, необходимые для выживания вакцинии. Его предположение подтвердилось, когда он начал изучать их под микроскопом и смог зафиксировать процесс разрушения бактериальных клеток. Свое открытие Туорт опубликовал в статье *Twort, F. W.* «An Investigation on the Nature of Ultra-Microscopic Viruses». *The Lancet*, 186 (4814), 1915, pp. 1241–1243. Также см.: *Keen, Eric C.* «Phage therapy: concept to cure» // *Frontiers in microbiology* vol. 3 (238). 19 Jul. 2012, doi:10.3389/fmicb.2012.00238. Считается, что д'Эрелль пришел к открытию бактериофагов в Мексике, независимо от Туорта, хотя у некоторых авторов это вызывает сомнения: *Duckworth, Donna H.* «Who Discovered Bacteriophage?» // *Bacteriological Review*, vol. 40 (4), 1976, pp. 793–802. Так или иначе, отсутствие формального медицинского образования не помешало д'Эреллю в течение жизни написать более ста научных статей и шесть книг и стать одним из основателей революционного метода в изучении инфекций. Подробнее: *Summers, William C.* *Félix d'Herelle and the Origins of Molecular Biology*. New Haven & London: Yale University Press, 1999. Также: *Hershey, Alfred D.* «Bacteriophage T2: Parasite or Organelle?», *Weisberg, Robert A.* «Bacteriophage λ as a Model «System»», in *We Can Sleep Later*. Alfred D. Hershey and the Origins of Molecular Biology, (ed.) Franklin W. Stahl, New York: 2000. *Wenkel, Simone & Deichmann, Ute* (eds.). *Max Delbruck and Cologne: An Early Chapter of German Molecular Biology*, London: World Scientific Publishing, 2007.

Известные формы вирусов. *Рис. Анны Полищук*

Как часто случается, открыл он их в результате других научных изысканий. После Первой мировой войны ученый с внешностью Дон Кихота занимался патогенными бактериями дизентерии, натолкнувшись на ранее неизвестного агента (инфекцию), который вызывал их смерть. Д'Эрелль начал специально заражать бактерии этим агентом и обнаружил, что он успешно увеличивает свою популяцию за счет их уничтожения. Затем д'Эреллю приходит в голову сногшибательная мысль – как тут не согласиться с Аристоте-

лем, что творец доводит природу до совершенства – лечить бактериальные болезни с помощью бактериофагов! Инертный ученый мир отнесся к этому скептически, однако в те времена еще не существовало антибиотиков, и предложить что-то более эффективное никто не мог. Д’Эрелль, поверив в свой метод – благо над ним не стояло государство, как сегодня над Раулем – начал его применение и получил положительные результаты, которые он изложит в книге «Бактериофаг» (1922). Самым поразительным остается описание процесса выделения, «самоидентификации», фагов-агентов из бактерий и их внеклеточного существования.

Но бактериальная драма на этом не заканчивается. Многие годы спустя биолог Сальвадор Лурия, сбежавший из муссолиниевской Италии в США, покажет, что бактерии научаются сопротивляться фагам и это умение они передают генетически. В Америке Лурия, вместе с Максом Дельбрюком и Альфредом Херши, организует неформальное научное сообщество под названием «Phage Group», куда войдет еще ряд крупных ученых, внесших огромный вклад в создание науки микробиологии. Но все это произойдет потом. А в 1934 году Сталин приглашает д’Эрелля в СССР для продолжения работы над бактериофаготерапией, чем он и займется в Тифлисе в компании со своим грузинским коллегой Гиоргием Элиавой¹³, прекрасно знавшим труды француза в этой обла-

¹³ В написании имени ученого я сохраняю грузинскую орфографию: გიორგი ელიავა.

сти. Бактериологи познакомились сразу после войны в Институте Пастера в Париже, куда Элиава начал ездить с научными целями, а д'Эрелль тогда в очередной раз прибыл из Мексики, где он добывал алкоголь из сока агавы. Поработав в Институте несколько лет, д'Эрелль покинет его из-за сслок с администрацией. В 1921 году Элиава создает в Грузии бактериологический институт, где сам успешно занимается исследованиями фагов – до 1937-го, пока не будет расстрелян как враг народа.

В 1930-х Дельбрюк и Лурия разрабатывали количественную методологию по изучению лигических взаимодействий бактериофага и клетки, что помогло лучше понять механизм мутации. Херши со своими коллегами доказал, что генетическая информация бактериальных вирусов закодирована в их нуклеиновых кислотах, это в свою очередь дало возможность установить фундаментальную характеристику вирусов, а именно: они содержат либо РНК, либо ДНК. Далее ученые выяснили, что помимо лизиса, которые вызывают вирусы у зараженных бактерий, имеет место и так называемая вегетативная вирусная инфекция, когда фаги проникают в «хозяина» (в данном случае в бактерию) без лигических осложнений. Это явление стали рассматривать как пассивную инфекцию, и благодаря ему прояснился механизм встраивания вирусов в «хозяинскую» хромосому.

Фаги действуют как настоящие хищники: нападая на бактерию, они впрыскивают в нее свой генетический материал,

запуская механизм редупликации. Но если от укуса тарантула, тоже впрыскивающего в свою жертву яд – в эпоху Ренессанса он считался причиной безумия, – пострадавшие вылечивались экстатическим танцем «тарантеллой», то у пораженной фагом бактерии такой возможности нет. В танце или без него бактерия начинает работать на производство фагов, чей геном мутирует, смешиваясь с геномом хозяина.

Захват клетки бактериофагом. *Рис. Анны Полищук*

Помимо РНК или ДНК, находящихся внутри агента, последний обладает еще и белковой оболочкой – капсидом (на рисунке ниже он изображен треугольником), который защищает вирус от угрозы и помогает при захвате клетки. Некоторые вирусы вдобавок покрыты липидной оболочкой, жировым слоем, который защищает их от угроз внешней среды.

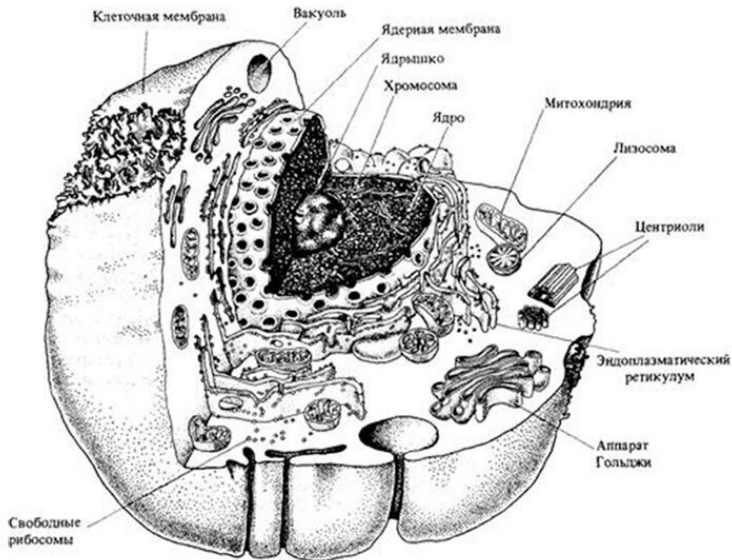

Мутированный бактериофаг. *Рис. Анны Полищук*

Структура агента. *Рис. Анны Полищук*

Агенты могут содержать до двух цепочек ДНК или одну цепочку РНК, способную удваиваться или достраивать на себе цепочку РНК, таким образом вирусы способны размножаться в различных органеллах зараженной клетки. Органеллы – это микроструктуры, расположенные в цитоплазме клетки и выполняющие различные функции по ее жизнеобеспечению. Сами органеллы делятся на мембранные и немембранные. К первым относятся, например, удивительный «аппарат Гольджи» (Golgi apparatus), как его принято называть в биологии, открытый итальянским гистологом Камилло Гольджи. Он напоминает поезд из мембранных цистерн, работающий на станции, его задача – сортировать проходящие через станцию белки. Если чуть более подробно, то аппарат, или станция Гольджи ответственна за три вида белковой массы: плазматическую мембрану, секреты – жидкости, выделяемые клетками, в которой содержатся биологически активные вещества, и энзимы – молекулы белка, которые служат для ускорения химических процессов в клеточных организмах.

Строение клетки

К немембранным органеллам относится рибосома, играющая фундаментальную роль в синтезе белковых молекул из аминокислот по программе, которая в свою очередь определена генетическим кодом – матричной РНК. Эта мРНК в свою очередь состоит из последовательности кодонов – единиц генетического кода, или триплетов, содержащих тройку нуклеотидов. В эукариотических клетках, о них шла речь выше, рибосомы могут располагаться как на мембранах ретикулума (эндоплазматической сетки), так и быть сателита-

ми цитоплазмы, то есть находиться в незакрепленном на ней виде.

Репликация вирусов с позитивным геномом, к которым относится и коронавирус (на сегодняшний день выявлены два его штамма, типа L и S), происходит благодаря способности геномной РНК выступать в качестве мРНК после заражения. Авторы «Вирусологии» отмечают, что «это имеет двойные последствия. Во-первых, ферменты, ответственные за репликацию генома, синтезируются *после заражения*, и нет необходимости в их внесении в зараженную клетку вместе с вирионом <...> Во-вторых, так как все позитивные геномы относятся к монолитным и все их гены сосредоточены в одной хромосоме, первичный продукт трансляции обеих РНК (как геномной, так и мРНК) обязательно представляет собой единый белок»¹⁴. У вируса с негативным геномом прибавляется работа: его геномная РНК служит панелью одновременно для редупликации и транскрипции, то есть заражение должно быть внесено в клетку заранее. Работы, конечно, у «негативистов» больше, но при этом у них есть и преимущество: при помощи *splicing*'а (который МакКлинтон исследовала на кукурузе) – процесс создания зрелого РНК, когда вырезаются интроны и сшиваются экзоны¹⁵ – обеспе-

¹⁴ Вирусология, Т. 1. С. 132. (Выделено мною)

¹⁵ *Интроны* – некодируемые участки РНК; *экзоны* – кодируемые участки, которые составляют зрелую молекулу РНК (термины были введены американским биохимиком Уолтером Гилбертом).

чивает формирование ряда мРНК с одного и того же участка генома. В этом случае вирус берет под тотальный контроль клеточный белок.

Это – если очень кратко и схематично. Сколько-нибудь подробное изложение сложнейшей механики клетки и ее заражения вирусами не входит в нашу задачу, сказанное необходимо лишь для того, чтобы читатель смог приблизительно визуализировать эти процессы. Для детального углубления в материал нам понадобится не один месяц занятий, у вируса же эти знания отчасти врожденные, отчасти приобретаемые.

Как в Средних веках в Европе, когда в профессиональной сфере началась специализация и стали возникать цеха, у вирусов тоже есть своя специализация – по хозяевам. Иначе говоря, он опасен для одних и безопасен для других. Например, натуральной оспой (*variola vera*) может заболеть только человек. Это не означает, однако, что другая клада штаммов – ветвь культуры данного вируса – не могла ранее заражать кого-то другого. Штамм – принятое в науке условное обозначение культуры, или как еще говорят, субкультуры, вирусов, существующей в определенное время и имеющей определенные генетические характеристики. Во многом это научная идеализация, как «частица» в физике.

Штамм вируса. *Рис. Анны Полищук*

Согласно недавним исследованиям, вирус оспы начал эволюционировать примерно 68 тыс. лет до н. э., то есть в эпоху среднего палеолита, и стал хорошо известен уже в Африке и Древнем Египте эпохи XX династии (1189–1077 гг. до

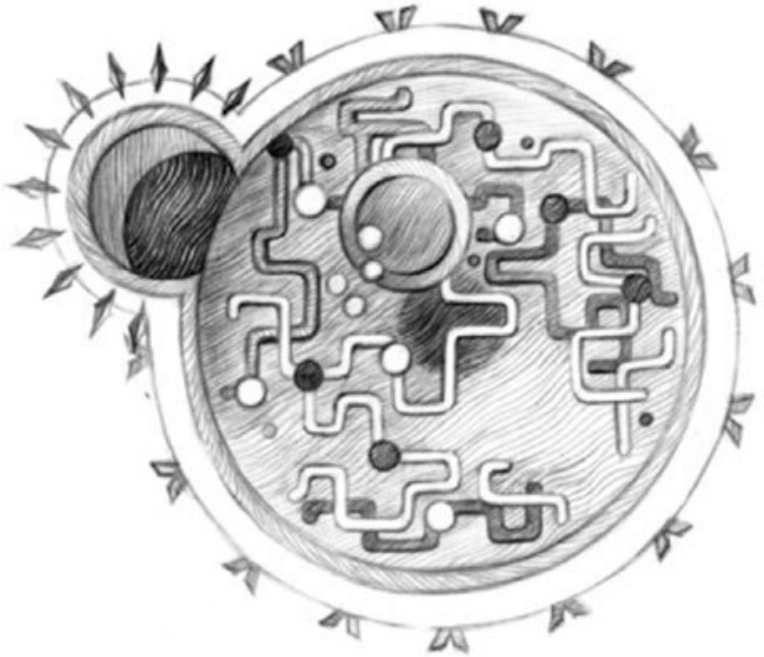
н. э.). В середине III века до н. э. гунны принесли вирус в Китай, вызвав там эпидемию черной оспы, а двумя столетиями позже болезнь выкосила треть населения древней Японии¹⁶. В Индии она тоже не осталась незамеченной, получив воплощение в образе богини Патрагали – молодой дамы с очень вспыльчивым характером, восемью ликами и восемью парами рук. В порыве злости она, как гласит легенда, не пожалев собственного отца, Иксора, который до того испонил ее просьбу и дал ей в качестве трапезы собственный палец и свою кровь, швырнула в него жемчужное ожерелье, в результате чего лицо родителя покрылось оспенными пустулами.

В 568 году, в разгар «Слоновой войны», эфиопские войска находившиеся в Мекке, вероятно принесли оспу с собой обратно, что дало толчок к ее распространению в Африке¹⁷. Считается, что в Европу оспу принесли войска Александра Македонского, воротившиеся из военных экспедиций. В IX веке оспа настигла норманнов, атаковавших Париж, и посколькы карантин соблюдать было некогда, болезнь быстро распространилась среди войска, едва не добравшись до Карла Лысого, короля Западно-Франкской империи. Перепугавшись, если верить рассказам, король повелел немедленно ис-

¹⁶ Taylor, Milton W. *Viruses and Man: A History of Interactions*, New York/ Dordrecht/ London: Springer, 2014.

¹⁷ Более детально этот вопрос обсуждается в книге Kotar, S. L. & Gessler, J. E. *Smallpox: A History*. North Carolina: McFarland, Year: 2013. Также: Hopkins, Donald R. *The Greatest Killer. Smallpox in History*. Chicago: University of Chicago Press, 2002.

требить всех зараженных, в том числе кого-то из близкого круга.

Атака вирусом мембраны. *Рис. Анны Полищук*

Вирусы различаются не только по своей внутренней структуре, но и способом захвата клеток хозяина. Некото-

рые из них, как, например, герпесвирусы – очень влиятельное семейство, которым болеют большинство Homo Sapiens на планете, атакуют мембрану, отбрасывают капсид и встраиваются в ядро.

Герпесы, чье название происходит от греческого глагола ἔρπειν – «ползти», вселившись в клетку, могут там находиться и не проявляться сколь угодно долго, но их новый хозяин отныне живет как бы в подаренном вирусом времени. При менее благоприятных условиях, смене климата, ослаблении иммунной системы и т. д., герпес может дать знать о себе и запустить процесс заболевания. Если хозяину везет, и он никогда не заболевает, вирус так и остается у него в латентном состоянии. Говоря языком философии, он существует в потенции, подобно аристотелевской бесконечности.

Сегодня, в период «опасной возможности» – именно так следует точно переводить китайский термин для «кризиса» 危 (wēi jī), – под прицел попала как раз эта потенциальность. Возможная опасность стала не менее опасной, чем опасность актуальная. В социальном плане, это новая ситуация, которой не было со времен 1930-х, когда все находились под подозрением и все подозревали всех. Это было временем *вирусозрения* – видеть то, что не видно невооруженным глазом: врага, предателя, двурушника, замаскировавшегося под своего. Вот и сегодня не только внешнее поведение, но и внутреннее состояние человека подозрительно, оно не является его собственностью. Температура, давление, сердцебиение и

т. п., как и психологический настрой, – подконтрольная зона, которая может быть либо безопасной для общественно-го блага, либо от нее может исходить угроза. В последнем случае власти начинают относиться к такому человеку как к вирусу – его тем или иным способом отключают от социума, за ним устанавливается слежка.

Именно это и предложили авторы патента от 26 марта 2020 года, поданного компанией Microsoft. Вот цитата из него: «система криптовалюты, сообщающаяся с приспособлением пользователя, может проверять соответствие данных по активному состоянию его тела с условиями, установленными системой криптовалюты, и вознаграждать криптовалютой того пользователя, чьи данные состояния тела верифицированы»¹⁸. Выражение «сообщающаяся с приспособлением пользователя» (communicatively coupled to the device of the user) буквально означает следующее: вы больше никто, теперь мы, хозяева «системы», капитализируем даже темпе-

¹⁸ <https://patentscope.wipo.int/search/en/detail.jsf?docId=WO2020060606&tab=PCTBIBLIO>Текст оригинала: The cryptocurrency system communicatively coupled to the device of the user may verify if the body activity data satisfies one or more conditions set by the cryptocurrency system, and award cryptocurrency to the user whose body activity data is verified will be based on four key disruptive themes – Artificial Intelligence, Experience Design, Smart Infrastructure, and HealthTech.Кто-то, а может и сами авторы этого патента, видит в этом наступление эпохи «дополненной реальности» (Augmented reality), как ее обозначил австралийский футуролог Брэт Кинг. В своей книге «Банк 4.0» Кинг настоятельно советует всей банковской системе переходить в онлайнный режим работы, если она хочет выжить в новой, дополненной реальности. См.: King, Brett. BANK 4.0. Banking Everywhere, Never at a Bank. Wiley, 2019, p. 31.

ратуру вашего тела, артериальное давление, сердцебиение и т. д. Если буддизм на протяжении столетий пытался решить проблему, как освободить человека от иллюзорного «я», то ребята из Microsoft решили это быстро и дешево: вместо «я» – *device*. Надо понимать, что такая капитализация тела отличается от прозрачности вашей медицинской карты, которую в случае необходимости может прочесть заинтересованное ведомство, как и от вашего счета в банке и штрих-кодов, по которым видны ваши покупки. В случае с медкартой или покупками у человека есть выбор: не пойти к врачу, лечиться самому, обратиться к знахарке, или пойти к врачу, когда человек сочтет это необходимым. В случае с покупками он может купить или не покупать определенный товар, может расплатиться наличными или попросить соседа совершить покупку за него. Иначе говоря, здесь существуют свобода выбора, а значит – время, которое еще принадлежит вам. В ситуации, которую предлагает патент, такого выбора нет. Если у вас неправильная температура, давление, пульс и т. п., это мгновенно передается в систему, что лишает вас не только частного пространства, но и вашего времени. По сути дела, система предполагает непосредственный контакт с телом, с его языком, минуя свободную волю – одно из основных отличий человека от животного или свободного гражданина от раба.

Отчасти это выглядит как воспроизведение старых идей «МК-Ультра», проекта ЦРУ 1950–1970-х годов по экспери-

ментам над человеческим сознанием и манипуляции с ним. После закрытия проекта ЦРУ уничтожило львиную часть документов, но оставшиеся материалы позволяют судить о том, что эксперименты велись с применением всех тогда доступных средств: химических, биологических, наркотических, в частности ЛСД. В течение продолжительного времени, нескольких месяцев, подопытным людям давали химические препараты, их подвергали электрическим разрядам в значительно больших дозах, чем это было разрешено практикой тех лет, как, например, Линду Макдональд, одну из пациенток. Человека вводили в коматозное состояние, что сопровождалось прослушиванием магнитофонных записей и командами, которые должны были переделать личность испытуемых и полностью подавить их волю. Эти опыты инициировал шотландский психиатр Ивэн Кэмерон (1901–1967), на проведение которых он получал по тем временам богатые субсидии от государства, эксперименты проводились в Allan Memorial Hospital, в Монреале. По свидетельствам людей, прошедших через эти испытания, методы Кэмерона мало чем отличались от тех, которые использовались в нацистских концлагерях, Йозефом Менгеле и прочими. Все это происходило после Нюрнбергского процесса, где Кэмерон тоже присутствовал и, надо полагать, сильно впечатлился достижениями своих немецких коллег.

##

Его официальное медицинское название, которое ему присвоила Всемирная Организация Здравоохранения (ВОЗ), COVID-19, и этиологически это заболевание респираторной системы человека связано с SARS-CoV-2¹⁹. Следует понимать, что коронавирус – это не один в поле воин, а целое семейство, которое делится на ряд подсемейств: летоверины, поражающие земноводных, и ортокоронаверины – враги млекопитающих и птиц. Далее, существуют альфа-, бета-, гамма- и дельта-коронавирусы, из которых для человека наиболее опасны первые два. Свое название COVID-19 получил в 1968-ом – год студенческой революции в Европе, – когда вирусологи, заметив форму его пепломеров, похожую на корону, дали ему такое имя. Морфология вириона, как считают специалисты, вполне стандартная. Это значит, что имеющиеся дезинфектанты могут оказаться также вполне действующими.

COVID-19 хорошо себя чувствует на разного рода поверхностях, предпочитая шершавые и пористые, как фанера или

¹⁹ «Severe acute respiratory syndrome coronavirus 2». В 2005 году международная группа вирусологов опубликовала несколько статей, где называют летучих мышей естественным резервуаром коронавируса. См.: *Li, Wendong et al.* «Bats are natural reservoirs of SARS-like coronaviruses» // *Science*, 28/310 (5748), 2005, pp. 676-679.

картон, гладким поверхностям. Поверхность всегда таит в себе больше опасности, чем внутреннее, потому что кажется безопасной. Раньше считалось, что поскольку коронавирус – это продукт мутантной компиляции, то есть он состоит из разных типов вирусов, то, следовательно, является искусственным. Сегодня эта точка зрения устарела. Ученые выяснили, что коронавирусы хорошо рекомбинируют как с другими типами вирусов, так и сами с собой. Не следует тоже думать, что COVID-19 – это такой код да Винчи, хранящий какие-то сверхтайны микробиологии. Благодаря тому, что первичный очаг заражения произошел в Ухани, где находится один из топовых в мире институтов микробиологии, уже к началу января специалистами была получена последовательность полноразмерного генома, что дает возможность достаточно быстро понять, какой класс препаратов будет эффективным.

Судя по самым последним данным, к человеку COVID-19 попал, то есть сменил хозяина (среду обитания) – от панголинов, степных ящеров, которые внесены в Красную книгу и при этом являются предметом самого, пожалуй, криминализованного бизнеса, связанного с убийством и продажей животных. Все дело в том, что в Юго-Восточной Азии панголины считаются панацеей от многих недугов – рака, астмы и проч. Знахари в этих странах используют также чешую панголинов, которую, среди прочего, они считают полезной для кормящих женщин. Ну и кроме того, во многих пищевых

точках Азии вам предложат попробовать мясо панголинов, а это прямой способ заражения вирусом. Но самое эпидемиологически опасное место на планете – это не институтские лаборатории, а азиатские рынки, где торгуют всеми возможными видами дичи и рыбы, создавая таким образом настоящий оазис для вирусов и источник эпидемий.

При всем том, опасность и летальность COVID-19 в масс-медиа преувеличины. Его летальная статистика вполне сопоставима с другими респираторными заболеваниями, такими, как тяжелый-острый респираторный синдром или даже грипп (по данным вирусолога М. Щелканова). Что важно помнить: переносчиками коронавируса могут быть люди с хорошим здоровым иммунитетом, которые до момента возникновения у них симптомов не будут об этом знать. Чем более крепкий у человека иммунитет, тем дольше он пробудет «корона-Штирлицом», о котором никто не узнает.

И здесь возникает неожиданный аспект этого вируса, благодаря которому он превращается из COVID-19 в COVID-1937 – источник тотального подозрения. Как и во времена Большого террора в СССР, когда каждый был потенциальным врагом народа, даже если это ваши отец и мать, или всеобщей «борьбы с терроризмом», когда любой гражданин любой страны считался, да и сегодня еще считается, потенциальным террористом – мы все возможные носители коронавируса. Каждый подозревает каждого – все под подозрением. В целом, учитывая недавний исторический опыт,

ситуация не кажется новой и необычной, но за исключением одного момента: носителями вируса, то есть источником зла, могут быть абсолютно все, включая саму верховную власть. Если товарищ Сталин при всем желании не мог быть врагом народа, и президент Буш-младший террористом, то нынешние руководители стран вполне могут сами оказаться распространителями болезни, не зря же канцлер Германии, по сообщениям СМИ, отбыла на карантин.

С одной стороны, можно подумать, что все еще хуже – нет того, кто выступает гарантом высшей справедливости: власть может быть больна, как и мы. Вопрос: «тогда кто же нас защитит?» Однако с другой стороны, когда под подозрение попадают все и каждый, то нам ничего не остается, как перестроить саму топологию отношений «власть – общество». В ситуации тотального карантина и ожидания эпидемических всплесков, непонятно когда и где могущих произойти, поскольку вирусная экспрессия, как говорят эпидемиологи, носит стохастический характер, единственное, что может работать во благо – это взаимное доверие.

Именно тот тип отношений, который немислим в обычное «мирное время», по крайней мере в России, является спасительным в сложившихся условиях. Речь не идет о слепом доверии ко всему, что говорит или делает власть, но лишь о том, чтобы нам самим не попасть в бесконечный континуум подозрения – сосед по подъезду, продавщица в магазине, охранник в метро, сантехник, зашедший в квартиру

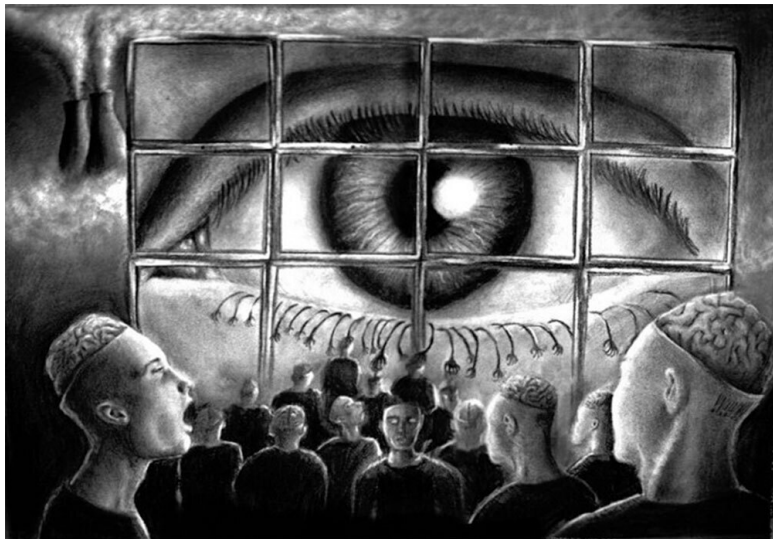
проверить трубы, все они переносчики заразы.

Тотальное подозрение в первую очередь опасно тем, что из него нет простого выхода. Даже когда эпидемия закончится, она будет продолжаться психически, подозрение не исчезнет, потому что мы знаем, что не все прошли тесты и отлежали на больничной койке нужное количество дней. Кто знает, может Петров, Рабинович или Магомедов, стоящие со мной в очереди или сидящие со мной в одном вагоне электрички, еще несут в себе остатки вируса. Я подозреваю их, они – меня; и наш раздор вполне объясним, и мы не знаем, как из этого выйти. Журналист Le Figaro Себастьян Фалетти отметил в своей статье, что многие жители Уханя, даже после объявления о снятии карантина, не спешат выйти на улицу и праздновать победу²⁰ они ведут себя не так, как герои фильма Ивана Пырьева «В шесть часов вечера после войны» (1944), счастливо встретившись на условленном месте после долгой разлуки.

Сегодня для властей при помощи технологий организовать режим тотального подозрения не представляет большой сложности. Миллионы видеокамер могут следить почти за каждым вашим шагом, такие страны, как Китай или Сингапур без особых сложностей превращают пространство города в паноптикум Бентама, где каждый виден как на ладони. Более того, он виден не только снаружи, но и изнутри. В Ки-

²⁰ <https://www.lefigaro.fr/international/coronavirus-en-chine-les-captifs-de-wuhan-hesitent-a-ressortir-20200326>

тае власти показали свои возможности, отслеживая людей по смартфонам и запрашивая температуру их тела. Уже существуют мобильные приложения, которые могут предупредить о близости зараженных людей. А завтра ничто не помешает властям обязать каждого человека иметь такое приложение на телефоне. С его помощью человек сам будет продублировать то, что американская исследовательница Шошана Зубофф назвала «поведенческим избытком» (behavioural surplus). Приложение, считывающее температуру тела через палец, которым вы водите по экрану, станет вашим другом-надзирателем. И если температура ниже или выше нормы, вас внесут в очередную категорию риска с соответствующими социальными и гражданскими ограничениями.

Официальное объявление о конце эпидемии отличается, скажем, от подписания капитуляции во время войны. Последнюю подписывает побежденный враг, который принадлежит тому же виду, что и победитель, вирус – нет. Вирус ничего не подписывает, он либо уходит, либо остается, с ним, даже в отличие от дьявола, нельзя подписать соглашения. Чтобы от него освободиться, можно было бы задействовать магию – в архаических обществах так бы и поступили, – которая типологически схожа с вирусом: она распространяется и действует вне контроля разума. Однако современные общества отучились от чувства магического, что не означает

отсутствия желания у современного человека найти защиту от угрозы в магических практиках. К слову, это одна из главных причин успеха эпопеи о Гарри Поттере Дж. Роулинг.

Этим вирус радикально отличается от войны, которую люди ведут друг с другом. Поэтому неправы те, кто, например, как управляющий партнер «А1» Андрей Елинсон, считает, что коронавирус сегодня – «не что иное, как Третья мировая война в том единственном виде, в котором она возможна сегодня»²¹. Война не может вестись против «неразумного» врага, если мы только не употребляем это слово в метафорическом смысле, потому что война предполагает цель: нет цели, нет и войны. У коронавируса нет «цели» перезаразить человечество, наказать его за грехи или вовсе уничтожить, такие версии можно слышать из уст сильно верующих, но при этом не забывающих себя клиров, или совсем набожных прихожан.

Вирус выполняет свою эволюционную функцию, которая нам до конца не ясна, и до наших грехов или невинности ему нет никакого дела. Но справедливо то, что такая мировая угроза должна объединять разные народы и страны, что пока не очень-то происходит. Если сравнить со стихийными бедствиями, как землетрясение или цунами, то они объединяли людей гораздо больше, многие страны не задумываясь присылали своих спецов с собаками, медикаменты, провизию и

21

<https://www.forbes.ru/obshchestvo/396211-tretya-mirovaya-i-pobeda-spravedlivosti-kakim-budet-mir-posle-virusa>

проч., чтобы облегчить участь пострадавших. С вирусом, как мы видели, это не так. Каждый стремится закрыться от другого, самоизолироваться и бороться с опасностью в одиночку. И это объясняется не только тем, что вирус заразный, а землетрясение нет. Есть и другая причина: вирус невидим или невизуален, в отличие от природных катаклизмов, он не устраивает спектакля; его воздействие кажется глобальным, и во многом оно таковое и есть, но при этом вирус глубоко индивидуален, вернее – он индивидуализирует своего «хозяина». Человек с вирусом – это уже другое «я», социально редуцированное путем изоляции или подозрения на то, что тело является носителем инфекции.

У любого человека есть два «я»: одно «я» – молочное, оно возникает с рождением и исчезает в достаточно раннем возрасте, подобно молочным зубам. Второе «я» – социальное. Строго говоря, молочное «я» не столько даже исчезает, сколько полностью заслоняется социальным и доступ к нему человек может получить только либо путем особых ментальных практик, в том числе феноменологической редукции (хотя не полностью), либо в результате сильного стресса, способного сотрясти конструкцию социального «я». В случае с панмедией, как коронавирус, социальное «я» на время нейтрализуется, и человек испытывает неудобство и шок от необходимости встречи со своим молочным «я», что подавляющему большинству людей совершенно не нужно. Социум сконструирован таким образом, чтобы молочное «я» бы-

ло всегда бессознательным или полусознательным источником стеснения и страха, слабости и презрения к самому себе.

Если безвирусное тело принадлежит «я» – социуму и осознается как часть всеобщего, не суть насколько оно этим социумом рассматривается полезным или бесполезным, то тело с вирусом – это, перефразируя название известной книги немецкого философа Макса Штирнера, единственный без его собственности. Единственный, теряющий свое тело, а вместе с ним и свою социальность, даже если он противостоит последней в здоровом состоянии. У социальности, подобно субатомным частицам, может быть как положительный, так и отрицательный заряд.

Нам только кажется, что вирус объединяет вокруг неизвестной опасности, от него исходящей, потому что мы принимаем его за обычного врага или, умудренные фантастическими фильмами о вторжении инопланетян, рассматриваем его как рациональную, но нам пока неведомую силу зла. Ошибка такого подхода состоит в том, что мы переносим качества исторического (или фантастического) врага, мобилизующего сопротивление, на бесклеточный организм. Делая это, мы превращаем во врага свое собственное «я», которое попадает в тупик подозрения и начинает подозревать самое себя, генерируя другой вирус – COVID-1937.

COVID-1937

Когда недавно Италия, оказавшаяся фактически безоружной перед распространением эпидемии (без защитных масок, аппаратов для искусственной вентиляции легких и проч.), запросила помощи у Евросоюза – ее, как говорила Фаина Раневская, послали на хуй.

«Масок нет, но вы держитесь!» – сказал Евросоюз Италии. Страну-сестру оставили складывать трупы, особенно в такой оказавшейся уязвимой итальянской области, как Ломбардия. К концу февраля 2020-го там зафиксировали около двадцати случаев заражения, далее вирус быстро пошел на север страны, после чего власти объявили о карантине. В считанные недели Италия заняла второе место, уступив Китаю, по количеству зараженных коронавирусом, а уже в марте этого года в колыбеле Европы было зарегистрировано более 40 тыс. случаев заражения. На призывы о помощи Паоло Гримольди, депутата Совета Европы от консервативной партии «Лига Севера за независимость Падании» (Lega Nord per l'Indipendenza della Padania), откликнулась Россия и Китай. 22 марта из Москвы в Италию вылетел первый грузовой самолет с необходимым оборудованием, таких самолетов планировалось послать четырнадцать. Китай со своей стороны отправил только в Италию 1 тыс. вентиляторов, 2 млн масок, 20 тыс. защитных костюмов и прочего добра для борь-

бы с эпидемией. Заместитель начальника Управления гражданской авиации Китая Люй Эрсюэ сообщил, что на период до 1 апреля 2020 года они оказали помощь сорока странам, включая США, поставив 2653 тонны грузов для борьбы с эпидемией.

После вспышки коронавируса в самой Поднебесной начались сборы пожертвований, и в шестидесятимиллионную Ухань потекли деньги как от рядовых граждан, так и от интернет-корпораций. Alibaba создала фонд поддержки пострадавших, вложив в него 1 млрд юаней для покупки медицинского оборудования и столько на поддержание сельхозпроизводителей, а всего к концу января общими усилиям было собрано 13 млрд юаней для фронтальной помощи пострадавшим. Нельзя не признать и другие интересные решения Китая в эпоху *Вейчжи* (кризиса): помощь малому и среднему бизнесу, снижение операционных расходов онлайн-платформ, выдача беспрецедентных кредитов торговцам из провинции Хубэй и другие мероприятия, как система уведомления о локальных эпицентрах болезни.

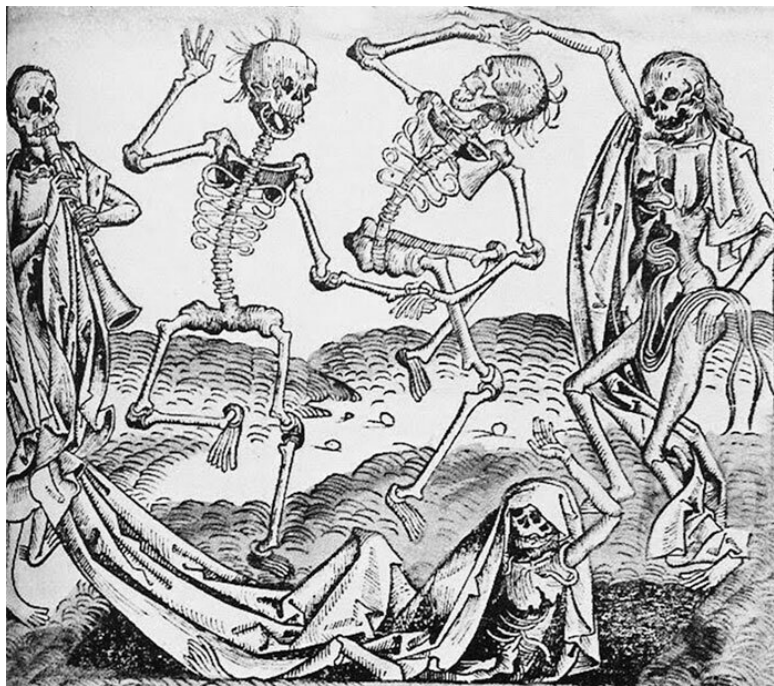
При всем том нельзя исключать, что в период разгара эпидемии Китай делился с миром не всей известной ему информацией, что, впрочем, не снимает ответственности за неоправданные упреки в адрес Поднебесной со стороны западных СМИ. Так, например, австралийские средства массовой информации обвинили Китай в сокрытии контагиозности коронавируса от человека к человеку до 20 января 2020

года. Это неверно. То же самое делала ВОЗ, несмотря на официальные запросы из Гонконга по этому поводу. Недавно группа французских ученых опубликовала статью, в которой на основе тщательного анализа данных доказывается, что вирус попал во Францию значительно раньше, чем об этом официально заявляли²². Остается вопрос: идет ли речь об одном и том же штамме или о разных? Если COVID-19 имеет не одну, а несколько точек исхода, то в этом случае придется радикально пересматривать динамику его распространения. Что будет иметь прямые политические последствия.

По одной из версий распространению коронавируса в Ломбардии способствовали китайские туристы. Любопытно, что так называемая юстинианова чума, захватившая Европу в VI веке – в форме серии эпидемий, начавшихся в период правления византийского императора Юстиниана I (527–565), отсюда и ее название, того самого, по чьему указанию был построен Собор Святой Софии, – тоже пришла из Китая. В документах той эпохи сохранились сведения о страшной засухе, вызвавшей жуткий голод в центральных провинциях Китая, о нашествии саранчи в Хэнань – у которой сегодня весь мир «списал домашку» (об этом ниже), – что заставило грызунов, в первую очередь крыс и мышей, начать

²² *Deslandes, A. et al.* «SARS-CoV-2 was already spreading in France in late December 2019» // *International Journal of Antimicrobial Agents* / <https://doi.org/10.1016/j.ijantimicag.2020.106006>; Available online 3 May 2020, 106006.

массовую миграцию на Запад в поисках лучшей жизни²³.

«Пляска смерти» (1493). М. Вольгемут. *Гравюра*

Не менее страшная эпидемия чумы пришла в Европу в

²³ Дэвид Крисчен отмечает, что пришедшие волны чумы изменили не только демографическую ситуацию в этих странах, но и радикально повлияли на интеллектуальный и религиозный климат во всем евразийском регионе, ускорив закат Римской империи. См.: *Christian, David. Maps of Time. An Introduction to Big History, Berkeley: University of California Press, 2004, p. 316.*

XIV веке. Как считает МакНейлл, ее принесли монголы, сами подхватившие заразу на границе между Бирмой и китайской провинцией Юньнань. Один из вероятных путей ее европейской миграции – через генуэзский торговый порт Каффа на Черном море, произошло это по всей видимости в 1347 году. Когда хан Золотой Орды Джанибек, при котором золотоордынское владычество, после его победы над Чобанидами в Персии, достигло своего апогея, – Орда контролировала территории от Западной Сибири, современного Казахстана до Руси, – приказал зараженные чумой трупы катапультировать в осажденную им Каффу. Об этом поведал Габриеле де Мусси, нотариус из Пьяченцы, который вроде даже лично присутствовал при этом событии²⁴. Такое вот биологическое оружие эпохи позднего Средневековья. Отплывавшие из Генуи корабли – флот стал важным экономическим фактором Республики благодаря крестовым походам, но уже к моменту захвата порта Джанибеком изрядно ослаб из-за долгой войны с Венецией – перенесли чуму на Сицилию. Оттуда болезнь быстро дошла до Египта, Сирии и Европы. Между 1348-1351 годами от чумы умерло 25 млн человек из 80 млн живших тогда европейцев. Вряд ли стоит сомневаться в апокалиптических настроениях, захвативших тогда всю Европу. Бог и церковь померкли, защита от страшной напасти от них не приходила, люди остались беспомощ-

²⁴ *Gabriele de' Mussi, Istorica de Morbo sive Mortalitate quae fuit Anno Dni MCCCXLVIII (1348).*

НЫМИ.

Европеец оказался голым, с черневшим от болезни телом. Казалось, помощи можно было просить только у дьявола, и он ее оказывал, радикально меняя мировоззрение людей того времени. Становились популярными «чумные сочинения», например, книга Яна Черни «Сочинение о морowych болезнях...», где автор дает советы практического свойства. В живописи возникает жанр «Пляски смерти», на картинах часто изображаются скелеты, триумфально танцующие, как на картине Михаэля Вольгемута, шагающие по человеческим трупам или спокойно идущие по земле, облаченные в белые рубища, как у Бернта Нотке, отправляя в загробный мир грешника и праведника. Бояться ада больше было не нужно, он воцарился *in terra* – так, что сама христианская идея спасения выглядела дьявольской насмешкой.

Но нет худа без добра: Черная смерть оказалась жестоким, но действенным механизмом глобализации. Она подтолкнула средневековый статичный феодализм, выстроенный по вертикали, как готический собор, к распаду и новой – горизонтальной – сборке²⁵. Кажется, что тогда сра-

²⁵ В 1980-х годах XX века похожие процессы Скот Лэш и Джон Урри обнаружили в современных капиталистических обществах, которые, по их мнению, демонстрируют явную тенденцию к дезорганизации в том, что касается отношений между банками и государством, институциями и общественными классами с последующей перестройкой этих отношений по новым моделям. Авторы скептически относятся к идее организованного капитализма, озвученной Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» (1848), с фиксированными ролями у буржуазии и пролетариата, которые более не являются таковы-

ботал принцип «созидательного разрушения», сформулированный вначале Вернером Зомбартом в книге «Война и капитализм» (1913) и развитый австрийским экономистом Йозефом Шумпетером в «Капитализме, социализме и демократии» (1943). Шумпетер, вслед за Марксом, которого он нещадно критикует, исследуя капиталистическое производство, полагал, что только инновации, идущие от производителя и потребителей, и весь связанный с этим комплекс отношений, включая транспорт, налоги и рынки, могут менять старое на новое. Сегодня экономисты знают, что такие изменения могут происходить либо в силу внутренних, эндогенных, либо внешних, экзогенных факторов, или «большого скачка», как это назвал Джон Кейнс, имея в виду крупные вливания капитала в отдельную страну.

В период чумной эпидемии произошло крупнейшее влияние страха, под чьим воздействием мир, распределенный между феодальными владениями, достаточно быстро встал на путь самоэкспансии, удачно реорганизовав горизонтальное пространство своего жизненного мира. Стивен Эпштейн назвал чуму «экзогенным событием, которое заставило перейти экономику феодализма от низкого уровня тормозящей ее сбалансированности к более быстрому развитию путем резкой интенсификации тех механизмов, которые стро-

ми в эпоху мобильного капитализма. См.: *Lash, Scott & Urry, John. The End of Organized Capitalism. Cambridge: Polity Press, 1987.*

ились в ней на протяжении веков»²⁶. Страх, ощущение полной незащищенности перед глобальной угрозой, превратился в психологический капитал, благодаря которому были пересмотрены феодальные юрисдикции, ограничивавшие свободную торговлю. Многие вещи из тех, что ее сдерживали – слишком высокие налоги, ослабление монополий на тот или иной вид экономической деятельности на подконтрольной тому или иному феодалу территории и т. п. – были отброшены, в том числе и социальные параметры страха, сдерживающие экономический рост. Напротив, введение общих мер и весов, среди прочего, ускорил самоэкспансию Европы. Набиравшая силу торговля вылечивала средневековое обще-

²⁶ Epstein, Steven R. *Freedom and Growth. The Rise of States and Markets in Europe, 1300–1750*. London and New York: 2000, p. 54. Рональд Финдлей и Кевин О’Рурк обращают внимание на интересную деталь: во время чумы сильно вырос спрос на воск и свечи, необходимые для похорон и религиозных нужд, что тоже явилось стимулом экономического роста. См.: *Findlay, Ronald & O’Rourke, Kevin H. Power and Plenty. Trade, War, and The World Economy in the Second Millenium*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2007, p. 121. Также: *Benedictow, O. J. The Black Death 1346–1353: The Complete History*. Woodbridge: Boydell Press, 2004. Парраг Ханна в своей книге «Как управлять миром» высказал мнение, что наша сегодняшняя турбулентная эпоха, движущаяся от планетарной системы управления к ее распаду на локальные зоны в скором будущем, напоминает Средневековье. У нас есть шанс прийти к новому Ренессансу, если мы установим то, что Ханна называет «мега-дипломатией» (mega-diplomacy), представляющей коалицию из технократов, известных филантропов, директоров крупных корпораций и т. п. См.: *Khanna, P. How to Run the World: Charting a Course to the Next Renaissance*. New York: Random House, 2011. Ханна высказывает благое, но едва ли выполнимое пожелание, его мега-дипломатия не будет иметь смысл, пока главной целью игроков останется доминирование в мировом масштабе.

ство от чумного шока, время феодалов сменилось на эпоху купцов.

«Пляски смерти» (1463). Б. Нотке (фрагмент)

Пришедший примерно через полвека Ренессанс, с его языческими культами, телесностью и в целом радикальным поворотом к человеку, не столь важно к хорошим или плохим аспектам его природы, был необходимой терапией после этих событий. Ренессанс не столько переоткрывал Бога, как это может вычитываться из многочисленных сочинений ренессансных авторов, от Марсилио Фичино до Лоренца Валлы, а забывал его в том плане, что заново осмысливал его всемогущество. Последнее, если и есть, то находится в потенциальном измерении, которое открывается человеку исключительно под действием его собственного разума.

Но это произойдет позже. А пока люди умирали тыся-

чами, не зная от чего. Средневековый город – биполярное пространство, современный человек, оказавшись он в нем, скорее всего впал бы в сильную депрессию. Пространство, где собор со стрельчатой аркой и нервюрным сводом, вершина средневековой архитектурной мысли – которую позже отвергнет Ренессанс за ее, как считалось, схожесть с палатками древних готов – соседствовал с грязным рынком, вонючими улицами и отсутствием понятия о гигиене. Если учитывать это последнее обстоятельство и то, что средневековые города были наводнены крысами и мышами, резкая миграция этих животных из Срединного государства нарушила экобаланс в городах и произошла вспышка пандемии. Кроме того, известно, что еще в первой четверти XIV века в Европе, в результате климатических пертурбаций, имело место общее недоедание, что сильно ослабило иммунитет и вызвало авитаминоз у людей того времени. Это в свою очередь спровоцировало такие болезни, как пеллагра (шершавая кожа), которая тогда так не называлась – она была впервые описана каталанским медиком Гаспаром Касалем (1681–1759), он же дал ей настоящее название: pelle – «кожа», agga – «шершавая» – в Испании пеллагру простые люди называли mal de la rosa.

Другой напастью была ксерофатальмия – сухость роговицы глаза из-за отсутствия должного слезовыделения, что также происходит, если организм не получает необходимого количества витаминов. В тот же период волны оспенной

эпидемии захватили Ломбардию, Нидерланды, Францию и часть северной Европы, да и проказа не заставила себя долго ждать, заболевших ею было столько, что их приходилось собирать в специальных местах – *lazaretti*. По ходу отмечу, что вопрос о том, какая именно болезнь скрывается под псевдонимом «Черная смерть» активно дебатруется в современной литературе. Например, английский историк медицины Грэхем Твигг считает, что Черная смерть – это не то же самое, что бубонная чума, ссылаясь на динамику распространения последней и ее биологическую несовместимость с крысами и мышами²⁷.

В Россию чума пришла в 1352 году, первая жатва смерти произошла в Пскове, где по рассказам летописей приходилось хоронить несколько человек в одном гробу, но скоро и так гробов стало не хватать. На помощь Пскову прибыл

²⁷ См.: *Twigg, Graham*. The Black Death: A Biological Reappraisal. New York: Schocken Books, 1985. Для интересующихся этой, безусловно, очень интересной темой я рекомендую следующие исследования: *Calvi, Giulia*. Histories of a Plague Year: The Social and the Imaginary in Baroque Florence. Berkeley: University of California Press, 1989. *Carmichael, Ann G.* Plague and the Poor in Renaissance Florence. New York: Cambridge University Press, 1986. *Dohar, William J.* The Black Death and Pastoral Leadership: The Diocese of Hereford in the Fourteenth Century. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995. *Dyer, Christopher*. Making a Living in the Middle Ages: The People of Britain 850–1520. New Haven: Yale University Press, 2002. *Gottfried, Robert S.* Epidemic Disease in Fifteenth-Century England: The Medical Response and the Demographic Consequences. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press, 1978. *Harvey, Barbara*. Living and Dying in England, 1100–1540. New York: Oxford University Press, 1993. *Hatcher, John*. Plague, Population, and the English Economy, 1348–1530. London: Macmillan, 1977.

новгородский архиепископ Василий Калика, который исполнил в городе надлежащий молебен по умершим, из-за чего заразился сам. С почестями похоронив архиепископа в Новгороде, новгородцы занесли в город и эпидемию. В 1386-ом «Черная смерть» практически уничтожила все население Смоленска, в который вернулась жизнь только спустя два года, когда чума закончилась. Москва пострадала в следующие чумные волны, когда эпидемия пришла в столицу в июне 1654 года. В считанные дни у людей стали проявляться симптомы болезни: сильные головные боли, жар, опухание тела, нарывы и язвы на коже, бред. Смерть наступала в течение считанных дней.

Епископ Антиохийской Православной церкви, патриарх Макарий III, араб по отцу и один из главных идеологов церковных реформ середины XVII века, писал о Москве, что некогда переполненный людьми город полностью обезлюдел, деревни опустели, монахи в монастырях вымерли. Домашняя скотина, оставшаяся без хозяев, бродила по улицам в поисках пищи, питалась падалью и умирала. Умерших хоронили не на обычных кладбищах, а в специально отведенных местах, огороженных постоянным огнем. Одним из таких мест, видимо, было кладбище Моисеевского монастыря, открытое случайно при строительстве подземного торгового центра «Охотный ряд» на Манежной площади – настоящий некрополь, где обнаружили огромное количество могил, видимо, «чумных» XV–XVI веков.

Согласно астрологической (зодиакальной) схеме Якова Брюса (1669–1735), инженера, математика, военного, ближайшего сподвижника Петра Первого, создателя его артиллерии, по которой строилась столица – и позже метро, по распоряжению Сталина, – Охотный ряд попадает в зону действия Стрельца, которым управляют Юпитер и Меркурий (по Аль-Бируни). Стрелец – знак воздуха и огня, это огонь, который скрывается под пеплом, символически он согревает сердца и дает надежду, огонь, освещающий во тьме. Еще задолго до карты Брюса, средневековые московские борцы с чумой интуитивно выбрали правильное место для таких захоронений.

Как и сегодня, тогда, почти семь столетий назад, каждая страна вылезала из этого кошмара поодиночке. Страх перед монструозной болезнью был вполне сопоставим со страхом Конца мира, захватившим Европу на полстолетия раньше, и, как и сегодня, он на какой-то момент эмоционально объединил самые разные слои общества – короля, в целительные способности которого верили обыкновенные люди, ученых мужей, клириков и крестьян.

В 1348 году король Филипп VI запросил у медицинского факультета Парижского университета объяснение причины чумы. Собрался *Consilium*, в который входили не только терапевты и «клиницисты», но и философы (впрочем, тогдашние медики были подкованы в философии лучше нынешних), хорошо усвоившие урок Альберта Великого – средне-

векового энциклопедиста и оккультиста XIII века, считавшего такого рода болезни результатом неблагоприятного расположения планет. *Consilium* ответил Филиппу, что чума возникла в результате соприкосновения Сатурна, Юпитера и Марса, и произошло это событие в час дня 20 марта 1345 года. Надо сказать, что не только Альберт, но и Аристотель до него в «Метеорологике» полагал, что прохождение комет по небу ответственно за засухи и ливни, эту же мысль потом повторит врач Раймон де Вивьер из Авиньона и, надо полагать, далеко не он один.

В том же 1348 году итальянский врач Джентиле да Фолино выяснил, что болезнь лучше всего передается от зараженного к другим людям через вербальную коммуникацию²⁸, из чего следовала необходимость свести эту коммуникацию к минимуму. В период Черной смерти города закрывались, превращаясь в крепости, люди старались сторониться друг друга, и в целом каждый был предоставлен сам себе. Действительно, смерть, еще больше чем оргазм, ее противоположность, очень индивидуальное дело. Даже если человек умирает в бою или что называется «на миру», он все равно умирает один. В этом плане чума или любой другой вирус, способный вызвать пандемию, противоположен проповеди и католической церкви как таковой, суть которой в установлении массовой коммуникации и говорении – *fatus*

²⁸ См.: *Henderson, John*. «The Black Death in Florence», in *Death in Towns*, (ed.) Steven Bassett. New York: Leicester University Press, 1992, pp. 140–141.

vocis, если воспользоваться термином французского средневекового философа Иоанна Росцелина, основателя номинализма, пришедшего к конфликту с католической догмой о Троиединстве – Бога Отца, Сына и Святого Духа, – коих Росцелин, следуя своей собственной философии, рассматривал как отдельные субстанции (тритеизм).

Пандемия спорит с евангелистом Иоанном о том, что в начале было Слово. Она словно затыкает рот Богу-Логосу, замещая вербальное общение-творение на молчаливую сосредоточенность. Между прочим, было бы интересно изучить то влияние, которое волны пандемий в Европе оказали на возникновение протестантизма, религии, в которой церковь и священник – собрание и разговор – оказываются лишними. Выступление Папы Римского 27 марта 2012 года на пустой площади Святого Петра с посланием *Urbi et Orbi* – защита Евангелия от критики со стороны Природы.

Лютер, который помимо созданной им ереси, был еще и отцом европейского интеллектуального антисемитизма, считал всех евреев порождением дьявола, по сути отказывая им в праве называться людьми, изобрел квази-церковь, которая бы защитила прихожан как от католицизма, «говорящей церкви», так и от евреев – носителей вируса Сатаны. Позже за Лютером последует его соотечественник, немецкий гебраист Иоганн Айзенменгер, автор пухлого трактата «Разоблаченный иудаизм» (*Entdecktes Judentum*, 1711) – водивший дружбу с раввином из Лейдена Давидом бен Арьей Лей-

бом (1650-1696), который в свою очередь написал несколько сочинений об иудейской этике, – где Айзенменгер описывает иудаизм, и соответственно евреев, в терминах вирусоподобия. По его мнению, учение талмудистов главным образом дает еврейскому народу инструкции для выживания и успешной деятельности на чужих территориях и в чужих религиях – разрешенных (*religio licita*), – которые они могут использовать себе во благо. Когда того требует ситуация, они устраивают на этих территориях эпидемии и хаос, чтобы их ослабить и потом управлять с большей легкостью. Еще евреи любят кушать христианских младенцев, это они делают регулярно на свои праздники – этакая вирусоподобная евхаристия. Не следует думать, что все это темные аспекты блестящего XVIII века. В России, например, близкие идеи пропагандирует полковник ГРУ Владимир Квачков, рассматривающий коронавирус как продукт деятельности сионистского правительства.

ПоWhoизм

Вернемся, однако, в Италию. Итальянцы в чем-то похожи на русских и этим же очень сильно отличаются от тех же китайцев: своим поWhoизмом. Русские часто, слишком часто надеются на авось и в глубине души считают себя везунчиками; «ладно, пронесет» – российский культурный паттерн. Кто из нас в самых разных обстоятельствах не говорил эту фразу, убеждая в первую очередь самого себя, что все будет хорошо и меня/нас это не коснется?

У итальянцев есть слово *magari* и выражение *agire d'impulso*, означающие примерно то же самое; *agire d'impulso* – это не знать, что будет и надеяться на лучшее, попытка договориться с «этим» ради любви к искусству. Но, как еще показал Стивн Кинг в романе «Оно» (1986), «человек должен платить за то, что получает в этом мире <...> Платить за то, что имеет, обладать тем, за что платит...». «Это» или «оно» никогда не дремлет, и столкновение с ним становится неизбежным, если человек начинает слишком сильно расслабляться: будь то природа, культура, политика... 21 января министр культуры и туризма Китая объявил о китайско-итальянском годе, открыв ящик Пандоры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.